

Олег Ершов
Наложница Аида

Роман

Олег Ульянович Ершов

Наложница Аида. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22571851

ISBN 9785448360152

Аннотация

Во все времена происходит одно и то же. Вечная борьба добра и зла, где добро, как всегда, побеждает зло. Время безгранично и всё, что заложено изначально, проявляется в современном мире, как это было с теми, кто в начале пути правил им.

Наложница Аида

Роман

Олег Ульянович Ершов

© Олег Ульянович Ершов, 2016

ISBN 978-5-4483-6015-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Они расстались – Ночь и День... Зима и Лето! Словно тень, душа живёт, оставив тело, а время в прах сожжёт кремень!

От такого волшебного удовольствия, ему хотелось закрыть глаза, но он не смог этого сделать. Ему еще и еще

раз хотелось снова поймать ее невероятный пронизывающий взгляд, который пробивал сквозь его тело в самое сердце. Его сердце было готово сдаться ей без всякого боя в этот сладкий плен. А она чувствовала это и знала, что владеет им полностью, до самой последней ниточки его сознания. Она ласково, как богиня играла с ним, открывая свои неизведанные тайны любовных игр. Было уже далеко за полночь и полная Луна, собрав все солнечные потоки, отдавала их сюда в эту маленькую комнату, бросая мягкий серебристый свет на ее лицо. В этом лунном свете, она смотрелась еще красивее и привлекательнее. Её тело в бликах Луны, светилось серо-голубоватым цветом. И капельки мелкого пота, сверкали на нем, как бриллиантовая россыпь на чистой простыне. Её яркие голубые глаза с густо накрашенными черными длинными ресницами и изумительные белые волосы, рассыпавшиеся по белоснежным плечам и невероятно красивая полная молодая грудь, волнуящая его при каждом ее движении, будоражили его сознание. От этого внезапного райского наслаждения, он был готов, прямо сейчас встать и пойти на эшафот, чтобы продлить еще и еще эти сладкие минуты.

Она была сверху, прижав его сильные руки к подушке, восседая на нем, как царица на троне, совместив в себе богиню, пантеру и игривую, но ядовитую змею. Каждое ее движение заставляло его отдавать все силы и мысли, чтобы, как можно дольше сдержат себя и не прервать это наивысшее блаженство, в которое сливались потоки радости, райского

наслаждения и открытого бесстыдства. Он боялся, что закроет глаза и когда снова откроет их, то на ее месте будет совсем другая женщина или вообще никого не окажется. Он боялся ее упустить из виду. Ведь такое счастье выпадает далеко не всем. А тем более ему, обыкновенному простому человеку, у которого нет ни денег, ни квартиры и даже машины. Это был настоящий мировой джек-пот, и он это хорошо понимал, терпел и наслаждался. А она, чувствовала это и еще больше увлекала его своими коварными движениями. Она, то запрокидывала назад голову и ее красивые волосы веером рассыпались по сказочному шелковистому телу, то вновь наклонялась над ним, как колдунья и начинала его целовать прямо в губы своими пухлыми и влажными губами, прикасаясь кончиками своей груди к его телу. Он чувствует, как кончики ее сосков грубеют от прикосновения. И от этого ему еще больше хочется целовать их и даже прикусывать. Но его руки прижаты к подушке, и он не может пошевелиться, только низ живота все сильнее и чаще работает в такт ее движениям, с каждым разом пытаясь войти в нее все глубже и глубже, чтобы дотянуться до самого сокровенного. Он пытается, что-то сказать, но она не слышит его и снова своим приятным и чистым сексуальным дыханием из полуоткрытого рта, возбуждает его сильнее и сильнее, при этом смотрит на него и загадочно улыбается. Еще, еще, шепчет он и все-таки закрывает глаза. Закрыв глаза, он проваливается в какую-то бездну, при этом из него вырывается крик и те-

ло выбрасывает из себя в нее все без остатка. Бурные горячие потоки мужского семени, мощным нескончаемым потоком вырываются из своего плена и многомиллионной армией храбрых солдат, устремляются к заветной загадочной цели. Он проваливался и летел все дальше и дальше. Все вокруг него быстро начало менять свои краски, лишь огромная луна, среди этих красок выглядела неизменной и ему казалось, что она громко и нахально над ним подсмеивается и постоянно повторяет:

– Теперь ты навсегда будешь моим!

Он кричал и проваливался куда-то в неизвестность с каждым мгновением ощущая себя, как лопнувший воздушный шарик, из которого в одно мгновение вышел весь воздух, и он уже не одушевленный, падал куда-то в пропасть, сгорая и превращаясь в пепел. Отдав последние силы, он лежал на самом дне, этой страшной и холодной пропасти и не мог пошевелить даже кончиками пальцев. Его душа медленно растворялась в полу мрачном пространстве, а материя начинала распадаться на мелкие частицы, светясь тусклыми огоньками мерцающих звезд, которые превращались в каких-то мотыльков улетающих в неизвестность.

– Клим! Клим, проснись! Клим, проснись, ну проснись же! – Надя пыталась разбудить мужа. Она уже несколько минут трепала его за плечи и даже била по щекам. Не понимая, что с ним происходит, она уселась на него свер-

ху, несколько раз его ударила по щекам и попробовала сделать искусственное дыхание.

Наконец-то Клим выдохнул и, придя в себя, открыл глаза. Он никак не мог сообразить, где находится и кто эта женщина, которая сидит на нем. Ему казалось, что все тело разбросано по комнате и в данный момент не принадлежит его сознанию. Клим, изо всех сил искал зацепки в своей памяти и пытался медленно, по кусочкам вернуться из неизвестности в реальную жизнь. Но, то изумительное лицо неизвестной девушки, как красочная картина стояло в его сознании и никак не отпускало его из параллельного мира колдовского сна, навечно скрутив его своими щупальцами безумной любви. Он чувствовал, как из него еще струится и пульсирует мужская жидкость, и мышцы ног сводит судорогой.

– Да Клим! Ну, проснись же ты! – Надя изо всех сил трясла его, то за плечи, то за руки, – Увидев, что он открыл глаза, она свалилась с него в сторону и тяжело вздохнула. Господи! Ну, наконец-то ты проснулся. А я уже думала, что все, капец! – Она закрыла ладонями лицо и невольно засмеялась.

– Надя!?! – Клим наконец-то пришел в себя и окончательно проснулся. – Ты что здесь делаешь? – Он ничего другого не мог спросить, от того, что никак не мог понять, где он находится.

Поразмыслив немного и сообразив, что ему приснился очень красочный эротический сон, Клим вдруг почувствовал, что его трусы мокрые и его детородный орган находится

в возбужденном состоянии. Хотя он уже много лет был женат на Надежде, все же ему стало как-то не по себе. Ему стало неудобно и стыдно за то, что он, как молодой новобранец обделался после нескольких недель службы в армии. Он даже почувствовал, что его лицо приобрело багровый оттенок. Клим ничего не мог сообразить, чтобы ответить жене, как переспросить ее еще раз:

– Что ты здесь ржешь? И вообще, что ты здесь делаешь? – Он сунул руку в свои трусы и обомлел. Теплая липкая жидкость, густо покрывала его тело в низу живота, вызывая в нем чувство стыдливости и позора.

– Что делаю, что делаю? Да вот тебя в чувство привожу! Так сказать, спасаю с того света. – Надя снова закрыла лицо ладонками и ее истерический смех раздался телефонным звонком разлетаясь по всей комнате. – Климушка, дорогой! Этим делом нужно с вечера заниматься, а не во сне. Ты уже довольно взрослый мальчик. Вон, посмотри, что там у тебя в трусиках творится! – Она откинула одеяло и игриво показала на мокрые трусы.

Клим досадно отвернул голову на подушке. Он все еще видел то красивое лицо изумительной блондинки и никак не хотел верить, что это был просто обыкновенный сон. Но все же он был таким естественным и красочным, что Клим еще раз повернулся в сторону жены, и увидев ее лицо не поверил, что это не она. Он хотел еще раз увидеть то великолепное сказочное чудо. Зажмурив глаза, Клим некоторое

мгновение пытался еще раз вернуться в тот самый момент, из которого он только, что выпал и проснулся. Но открыв глаза, он снова увидел знакомое лицо жены и наконец-то понял, что это был действительно красочный сон. Окинув взглядом привычный интерьер комнаты, он с потрохами отдался простой обыденности, которая сразу же, с жадностью, начала жрать его своими гнилыми зубами вечной бытовухи.

Вытерев влажную руку об трусы, Клим ничего не говоря, быстро встал и, не обращая внимания на жену, спешно пошел в ванную, стыдливо слушая нескончаемые хихиканье в след.

Последние дни июля в этом году выдались удивительно жаркими. Весь народ с самого утра нехотя собирался на работу с одной надеждой, что возможно сегодня пораньше можно будет уйти и сразу, не задерживаясь в городе, прямиком махнуть на море. Благо, что оно здесь рядом, просто рукой подать, хоть и находится от Калининграда чуть более тридцати километров. У кого есть свой транспорт, те пытаются заранее покинуть черту города, чтобы не застрять на долго в длинных пробках. И просто дикарями, через полчаса упасть на янтарный песок балтийского берега, предварительно окунувшись в прохладу легкой морской волны. А те, кто еще только мечтает о таком счастье, все равно пытаются покинуть город, либо на автобусах и маршрутках, либо на электричке, которые приходят на конечные станции

курортных городов Светлогорска и Зеленоградска.

Клим с удовольствием наблюдал через тонированное стекло, из окна своего офиса, находящегося на четвертом этаже в самом центре Калининграда, за тем, что происходит в низу на самой главной площади города. Уже после обеда, через площадь Победы к Северному вокзалу начинали тянуться маленькие ручейки народа, спешно пытавшихся занять места в уходящей электричке к Балтийскому побережью. С каждой минутой ручейки превращались в широкие реки и ему казалось, что наступает какая-то эвакуация. Что все люди спешно покидают город по какой-то страшной причине. Но это было совсем не так. Люди просто спешили на побережье прохладного Балтийского моря, чтобы побыстрее окунуться в зеленоватую волну и смыть с себя трудовую усталость.

Нет, он не очень хотел раствориться в этой толпе и в общем потоке вылиться в прохладное море. Хотя он и любил себя позабавить морскими ваннами, но сейчас он только смотрел из окна на площадь и снова и снова перебирал свои яркие сновидения. С самого утра, после того, как его разбудила жена, Клим попал в какой-то стопор. Ему казалось, как будто его насильно выгнали из другой жизни. Просто вытолкнули или выдернули. Он поистине ощущал себя там, как наяву, но только в другой, какой-то параллельной жизни. Она казалась параллельной, потому, что все происходило в той же комнате и той же съемной квартире, которую

они снимали несколько лет вместе с женой Надей и дочкой Мирочкой.

Клим Белогорский был уже довольно взрослый человек, и через полтора года ему уже должно было исполниться сорок. Вообще он был не местный и родился совсем даже не в Калининградской области, а в маленьком селе под городом Владимиром. Родителей совсем не помнил, так, как они рано ушли из жизни. А он вместе со старшим братом воспитывался в детском доме. Там же и окончил среднюю школу. Пока учился в младших классах, случилась еще одна трагедия. Его старший брат, на спор, решил перебежать через железную дорогу перед идущим поездом. Но, как-то поскользнулся или запнулся и локомотив протащил его несколько сот метров по железке, да так, что от него почти ничего не осталось. Мальчишки, завидев неладное, сразу сбежали из детдома и об этой ужасной трагедии узнали только через несколько недель. Даже похоронили брата Сёмку где-то на кладбище в Подмоскowie. Пока проводили какие-то экспертизы и следственные действия, прошло много времени. Только однажды после обеда к Климу подошла заведующая детским домом и, отведя его в сторонку, тихонько сказала, что его брат Семен трагически погиб. Но Клим никак не мог отреагировать на эту страшную новость, потому, что он тогда еще ничего не понимал, так, как было ему тогда еще только чуть больше семи лет. Да и Сёмка был старше его на четыре года и друзья у него были из старшей группы. Хоть и жили они в од-

ном детском доме, но друзья и интересы были совсем разные. Сёмка был, как реактивный снаряд. Ему всегда надо было куда-то бежать и покорять неведомые дали. А Клим был совсем другой – противоположностью. Он мог убежать один в лес и часами наблюдать за ползущей гусеницей или лечь в траву и смотреть, как ветер качает макушки высоких деревьев. Его всегда тянуло к чему-то спокойному, интересному и неизведанному. Однажды сбежав с уроков, он долго блуждал по лесу и, наблюдая, как большие красные муравьи строят свой дом, случайно наткнулся, здесь же, рядом, в корнях большой березы, на какой-то сверток. Когда он развернул его, то обнаружил самый настоящий револьвер. Пистолет был тщательно смазан и его барабан был заряжен настоящими боевыми патронами. Конечно же, Клим сначала испугался и положил находку на место. Но отбежав на несколько десятков метров, всё же вернулся обратно и перепрятал находку. Вернувшись в детский дом, он никому ничего не сказал. Даже своему закадычному другу Сашке Лютому, с которым он делился самым сокровенным. На следующий день Клим вернулся и решил вести наблюдение за тем местом, где ранее был спрятан таинственный клад. Но сколько бы он не бегал туда, никого подозрительного он не встретил и решил испробовать в действии свою находку. Он обошел все вокруг и, убедившись, что никого нет, достал пистолет и приделав на дерево припасенную специально для такого случая пустую бутылку, выстрелил, отсчитав, как положено, двадцать пять шагов. Ро-

кот прокатился по лесу и от внезапного грохота Клим упал в траву. Он, конечно же, очень испугался и, подождав, когда дым рассеется, медленно поднял из травы голову и увидел, что бутылка, приделанная к дереву, разлетелась вдребезги, а в белой коре березы осталась маленькая дырочка. Тогда Клим понял, что это настоящее оружие. Он аккуратно вытер его и снова надежно спрятал. Он тогда решил, что никогда и никому не расскажет об этом. Позже, он вернулся, на это место и хорошенько смазав револьвер, надежно перепрятал его до лучших времен. Дни летели, а Клим быстро подрастал. Ему, конечно же, очень хотелось поделиться своей тайной с друзьями. Но он решил, что такая тайна должна остаться только с ним. После окончания школы в детском доме, он окончил строительный техникум и устроился работать про-рабом в городе. Ему всегда хотелось, иметь хорошую семью, и чтобы обязательно была, красавица дочка. Вообще он был очень стеснительный и старался обходить девушек стороной. Белогорский знал, чтобы создать хорошую семью, нужно было самому быть хорошим и добрым. Он решил, что для начала нужно выучиться и встать на ноги. Заработать немного денег и приобрести свое жилье. Общежитие его не устраивало. Ему надоели детдомовские коридоры и постоянный шум толпы. Просто он всегда мечтал о хорошей семье, теплоте и уюте. Теперь он надеялся только на себя. Но на данном этапе, общежитие, выданное ему в ПМК, было удобным для достижения своей цели. Коллектив у Белогорского был

хороший и слаженный, и он пользовался авторитетом среди рабочих и у начальства. Однажды на Главпочтамт Белогорскому пришло заказное письмо, и ему нужно было лично получить его на почте.

Когда он прибыл на место вручения письма, то за стойкой увидел очень красивую девушку. Клим застыл в оцепенении. Ему казалось, что раньше он уже где-то встречал ее. Но он точно знал, что это не так. Какое-то дежавю не отпускало его мысли. Приветливая молодая брюнетка застенчиво улыбнулась ему и протянула заказное письмо. Клим никак не мог оторвать от девушки своего взгляда и потом долго прийти в себя. Позже он понял, что это была любовь с первого взгляда. Надя была очень красивая, стройная и при этом скромная и стеснительная девушка. Клим ей тоже понравился. И это была обоюдная любовь, как бывает довольно редко. Они не стали откладывать свои отношения в долгий ящик и уже через месяц стали мужем и женой. Жизнь как-то сразу перевернулась и потекла в другую сторону, наталкиваясь на исторические события, происходящие в Советском союзе. Лихие девяностые быстро разбросали всех друзей по белому свету. Кого на дальний восток, кого, на юг, а кого и за границу. Новая жизнь не скупилась своими капризами и сюрпризами. Некоторые знакомые Клина, с которыми он работал в бригаде, быстро ушли из жизни от отравленного алкоголя, другие присели на наркотики. Ждать милостей от природы не приходилось. И надеяться нужно было только на се-

бя. А здесь еще и семейная прибавка. Родилась желанная дочка. Так получилось, что Клим и Надя однажды сильно разругались, как бывает в любой другой семье. Нет, это была не любовная ссора. Это была практически политическая драма. Просто на работе у Клим перестали платить зарплату, а Надя скоро должна была рожать. Вот на этом поприще у них разгорелся скандал. Но Клим, все-же справился с этим. Он стал по ночам подрабатывать на рынке и как-то вышел из сложившейся ситуации. Но все разрешилось, и они на перемирии назвали желанную дочку Мира. Чтобы каждый раз, когда возникнет какая – либо нелепость и недопонимание, нужно просто вспомнить свою дочь и пойти на перемирие.

Дочка росла быстро. Она была здоровенькая и очень красивая. А самое главное не по годам умная. Клим работал практически круглосуточно, а Надя воспитывала дочь. Когда Мирочка немножко подросла, Клим с Надей решили купить подержанный автомобиль. Правда, своего жилья у них еще не было. Они так и продолжали жить в общежитии. Но всё же решили так, сначала машина, а потом и на квартиру подкопим. Клим решил приобрести недорогую иномарку и впервые по совету знакомых прилетел в Калининград. Там, говорили, можно было сравнительно недорого приобрести хорошую иномарку. Когда Клим уже купил машину и уезжал из Калининграда, то почувствовал в себе какую-то тягу к этому городу. Ему совсем не хотелось уезжать отсюда. Всю дорогу он думал о Калининграде. И когда вер-

нулся во Владимир, то сразу же предложил Наде переехать туда, на самый запад России. На радость, Надежда быстро согласилась с ним, сказав, что там и Европа ближе, и культура выше. Там и Мирочке будет лучше для развития и вообще. Переезд не занял много времени. Собрались быстро, благо, что собирать было совсем нечего. Вот только машину продали и так, вещи, что были в общаге, свезли родителям Нади до лучших времен. Добрались до Москвы на автобусе и сразу же в аэропорт.

В Калининграде весна тогда была ранняя. Апрель встретил переселенцев приятным теплом и зеленой травкой. Да там вообще зимы почти не бывало, как во Владимире. Хоть и во Владимире не Сибирь, но все же иногда зимой морозы заворачивали и за тридцать. Да и лето бывало жарким и душным. А здесь, климат был благоприятным. Зима была теплая. А то и вообще снегу почти не бывало. Сразу чувствовалось, что погода, какая-то немецкая. Не зря же когда-то немцы основали этот город, который раньше назывался Кёнигсберг. Это уж потом, когда в 1945 году наши Советские войска наступали на Берлин, тогда и был с честью взят этот дивный старинный город Кёнигсберг. Тогда быстро всех жителей в двадцать четыре часа выселили из этой области, а заселили своими Советскими людьми. В основном, это были украинцы, белорусы и прибалты.

Надя, тогда, тоже была приятно удивлена, и ей очень понравился этот город. Когда приехали, то сначала, несколько

дней, пожили в гостинице, а потом подыскивали однокомнатную квартиру на съём. Кое-как сделали прописку в каком-то общежитии, и Клим начал искать какую-нибудь работу. Привезенные сбережения быстро таяли. Свое жильё на эти деньги купить было невозможно, а хорошая работа никак не подворачивалась. Конечно же, было очень сложно вот так одним в незнакомом городе, где не было ни друзей, ни родственников. Чуть позже, после долгих мытарств, Клим повстречал того самого продавца, у которого он приобрел первый автомобиль и так потихоньку, помаленьку втянулся в автомобильный бизнес. Казалось бы, что все пошло на лад, да вот только наступил кризисный год и вновь все сбережения растаяли как снежинки летом. И снова пришлось затягивать пояса и искать новое дело или новую работу. Цены на жильё росли почти каждый день, а доходов все не хватало, чтобы купить квартиру или комнату. А здесь уже и Мирочка подросла и пошла в школу. Климу пришлось снова пойти на стройку и вкалывать чуть не круглосуточно. Даже по ночам приходилось подрабатывать сторожем в коммерческой палатке. Тогда он думал, что никогда не выберется из этого ада. Но со временем какие-то средства начинали скапливаться, и он решил открыть свое дело. Изучив маркетинг, принял решение открыть свою рекламную фирму. И, как не странно, дело у него пошло. Он даже снял офис в самом центре Калининграда и пригласил к себе на работу своего друга Эдика Персова, с которым он познакомился совершенно случайно,

когда еще гоняли машины вместе из Германии. Эдик с удовольствием согласился помочь Климу. Они вместе продумывали все тонкости новой работы, и собрав все сбережения, перешли на практику. С тех пор они почти всегда были вместе не только по работе, но и как водится, стали еще и закадычными друзьями. Эдуард, вообще, был парень индивидуум. Он был не только умным, но еще и самым настоящим заводилой. Как говорится, мог на сто рублей организовать огромный праздник – пир на весь мир. Дело пошло и довольно неплохо. Мужики крутились, как могли. И их движения начинали приносить неплохие результаты.

– Клим Павлович! – голос секретарши Лизы привел Белогорского в себя. Он немного испугался и даже разнервничался. Его сегодня второй раз прервали и какими – то клещами вырвали из другого мира. Того мира, где он чувствовал себя в настоящем раю. Клим глядя в окно, снова всеми мыслями погрузился в то состояние, в котором он прибывал сегодня ночью во сне. Он вновь реально видел ее, ту шикарную блондинку, которая была настоящей богиней, но ему казалось, что она пришла из самого ада от самого Аида. Нет, нет, он по-настоящему до сих пор любил свою жену Надю и в любой момент готов был отдать за нее и свою дочку Мирочку свою жизнь без сомнений. Но этот сладкий плен сегодняшнего дня огромным магнитом манил и тянул его куда-то в неизвестность. Наверное, точно так же, по рассказам

и мифологиям, затачивали в свои заводы искушенных мореплавателей силены и русалки, от чего моряки теряли головы и отдавали все на свете и даже свои жизни. Тогда Клим не понимал этого, но сейчас он начинал пробуждаться и свежие ростки его разума начинали пробивать его сознание откуда-то из далекой глубины и распускались вокруг него самыми необыкновенными цветами и обвивали его невидимыми лианами счастья.

– Да Лиза! – повернувшись вполоборота, Клим, не отрывая своего взгляда от окна, нехотя ответил секретарше.

– Клим Павлович! Ну и жара сегодня! – Лиза никак не могла найти нужных слов, чтобы завести личный разговор с Белогорским.

– Да, наверное, перевалило за тридцать. Да и море, наверное, уже хорошенько прогрелось, – опережая мысли Лизы, улыбнулся Клим Павлович.

– Ой, ну да! Сейчас на море, наверное, не протолкнешься! – Лиза начала свою тактику. Ей, как говорится «кровь из носу», нужно было сегодня отпроситься и уйти пораньше с работы. Она еще вчера договорилась с подружками, чтобы сегодня всем вместе махнуть на Куршскую Косу. Там и ребята должны подъехать. Так, что выходные обещались, очень даже нескучными. Что поделать, Балтика она такая, здесь нужно ловить погоду. Не так уж много дней солнечных и теплых выпадает на летний период, чтобы люди могли погреть и почистить свои перышки на солнышке. А для молодежи

и тем более. Здесь еще с апреля девчонки начинают загорать на так называемых «сковородках». Это такие места на берегу моря, где на возвышенности есть морской песок, а вокруг растет плотная высокая трава или небольшие холмы. Они защищают местность от холодного ветра со всех сторон, а яркое солнце быстро нагревает янтарный песок. Вокруг получается еще холодно, а в центре такой сковородки, довольно жарко, как в парнике, только еще и солнышко открытое, настоящий солярий. Вот девушки ранней весной спешат на такие сковородки, чтобы к началу лета выглядеть загорелыми и привлекательными. А уж август месяц сам велел ловить погоду. Это вам не черноморский пляж до самого октября. Август для калининградцев – это самое время для морских прогулок. Конечно же для тех, кто еще не уехал отдыхать за границу или для тех, к кому приехали гости из большой России.

– Лиза! – Клим наконец-то оторвался от окна и повернулся к ней.

– Я так понимаю, что кондиционер в нашем офисе тебя от жары никак не спасает! – Белогорский незаметно бросил взгляд на глубоко расстегнутую блузку Лизы.

– Ой, ну что вы Клим Павлович! – Лиза заметила взгляд Директора. Она специально расстегнула еще одну пуговицу на блузке. Нет, она никак не хотела совратить Белогорского. Она только хотела показать ему, что очень жарко и возможно он поймет, что сегодня пятница и можно пораньше закон-

читать работу. Все равно уже все офисы позакрывали, и люди толпой повалили на море.

Лиза Андрейченко была совсем еще молодая. Ей только-только недавно исполнилось 19 лет. Она училась в Университете на ин-язе. Еще в школе ей очень хорошо давался английский и уже по окончании школы она свободно владела им. Но ей хотелось знать несколько языков и поэтому поступила на ин-яз. А летом нужно было подрабатывать, так как родители Лизы были обыкновенными простыми людьми, денег в семье больших не водилось. Да еще и сестренка младшая училась в девятом классе. Теперь родители все внимание уделяли ей. А Лизе надо было как-то самой выкручиваться и шагать по жизни с поднятой головой. Ей хотелось быть переводчиком и потом еще и «бизнесвумен». Но для этого для начала нужно было закончить университет. Лиза была очень красивая. Она была стройная и высокая. Как говорится девяносто, шестьдесят, девяносто. Ее стройное тело украшала полная девичья грудь третьего размера. Большие карие глаза и длинные ресницы, и вообще изумительно красивое лицо метиски, ей досталось от дедушки. Мама рассказывала, что он был корейского происхождения. Хотя папа и мама были просто темно русыми. Длинные черные волосы, она любила носить всегда распущенными. Они были чуть выше поясницы. И вообще Лиза была чертовски шикарная девушка. Ей бы хоть сейчас на глянец. И она об этом знала. Но все же, ей хотелось сначала получить образование

и потом самой добиться всего в своей жизни. А к Белогорскому она попала работать сравнительно недавно, всего пару месяцев назад. Она пришла в «Деловой Центр» искать работу на лето и с Климом Павловичем познакомилась прямо в лифте. Он ей показался очень интересным человеком, хоть и был в два раза старше ее. А потом, как выяснилось, он был хозяином своей рекламной фирмы. А Лиза очень хотела себя попробовать в таком бизнесе и для начала решила поработать секретаршей.

– Да я все понял! – Клим Павлович улыбнулся, и устало уселся в кожаное кресло за рабочий стол. – Ну, если у тебя все готово на понедельник, то я не возражаю, – постукивая пальцами по столу, протянул Белогорский. Он еще хотел что-то добавить, но дверь в кабинет распахнулась, и в нее быстро вошел Эдик Персов.

Он привычно бросил свой портфель на диван и сам уселся рядом за журнальный столик. Откинувшись на спинку дивана, он протяжно выдохнул, отдергивая на груди белую рубашку.

– Ну и жара на улице! А у вас тут настоящий рай! – не дожидаясь ответа, Эдик продолжил, обращаясь к Лизе.

– Ну, а ты чего здесь сидишь и вялишься, как вобла? Почему еще не на море, а?

Лиза приятно, но виновато улыбнулась, показывая глазами на директора.

Персов взял со столика рекламный журнал и замахал им

у своего лица, пытаюсь остудить разгоряченное тело.

– Клим Павлович! Ну, что ты держишь такую красавицу в душном кабинете? Ей самое время делать дефиле у морской волны. – Эдуард уловил взгляд Лизы и полностью перешел на ее сторону.

– Давай Лизонька, беги. Там, наверное, тебя уже давно ждали. – Персов положил журнал и взял портфель. А нам тут с Палычем поговорить нужно.

Лиза довольно улыбнулась.

– Клим Павлович, можно я пойду? У меня на понедельник все готово, – не прекращая улыбаться, Андрейченко встала и взяла приготовленную сумку. Она уже давно собралась и ждала определенного момента, но Персов ее опередил. И тем самым, сделал за нее, самое важное. Ей, как-то было стыдно отпрашиваться, но сейчас очень хотелось с друзьями на море.

– Скажи спасибо Эдуарду Анатольевичу. – Клим немного расслабил туго затянутый галстук и снова подошел к окну.

– Ой, спасибочки Клим Павлович! – Лиза игриво взвизгнула и вскочила из-за рабочего стола, как горная антилопа, показывая свою идеальную фигуру.

– Давай беги. Но чтобы в понедельник без опозданий. У нас много работы, – угрожающе не пряча улыбки, с каким-то тоном иронии Белогорский осчастливил секретаршу.

– Ой, Лизочка! – Эдуард поймал Лизу за руку. – Пока не убежала, дай молодцу колодезной водички из нашего хо-

лодильника. Ну, просто стораю от жажды и от твоей красоты.

– Ох, Эдуард Анатольевич, любите Вы комплименты рас-
сыпать. – Лиза быстро достала бутылку минеральной воды
и разлила в стаканы. Вот, пожалуйста! – Она поставила сво-
им руководителям воду на столик. – Может еще, что-нибудь?

– Спасибо Лиза! Иди, отдыхай. Мы тут сами разберемся. –
Клим Павлович проводил Лизу и закрыл за ней дверь.

– Клим! – Эдик дождался, когда Белогорский закроет
дверь, сразу же начал говорить.

– Подожди, подожди Эдик! – Клим остепенил Персова. –
Я уже вижу, что ты хочешь сказать. Но давай об этом чуть
позже. – Я сегодня целый день, как в тумане. – Клим залпом
выпил стакан холодной воды и громко поставил его на стол.

– А что случилось? – Эдик привстал с дивана, почувство-
вав, что у Клима, что-то произошло.

– Да нет, ничего не случилось. – Клим подошел к двери
и закрыл замок на защелку. Развязав синий галстук, который
жена Надежда подарила ему на Новый год, он снова опустил-
ся в рабочее кресло.

– Эдик! Ты только не смейся. Я ни с кем не могу этим
поделиться, – неуверенно начал Белогорский.

– Да, что случилось, наконец? – Персов заёрзал на дива-
не. Эдик уже несколько лет знал Клима со всех сторон его
жизни. Он не часто, но много, о чем рассказывал Персову
о разных жизненных делах, о науке, о космосе. Белогорский
рассказывал такие вещи, что Эдик иногда слушал и порой

замечал, что у него натурально открывается рот от интересного и поучительного рассказа. Персов был почти на пять лет моложе Белогорского, и казалось бы, что он тоже повидал много чего в своей жизни, но таких рассказов, аргументов и выводов, как у Белогорского, у него на ум не приходило. Эдик порой спрашивал у Белогорского, когда они собирались за кружкой пива или, когда оставались наедине, откуда он столько знает и как можно столько держать в голове. Ведь вроде бы надо всего-то в этой жизни, заработать как можно больше денег и радоваться жизни. Сам Персов был женат и прожив несколько лет в браке – развелся. Его бывшая жена хотела сразу после свадьбы завести детей, но Эдик на это отвечал, что еще рано и что сначала надо пожить для себя, а уж потом, когда уже все будет, тогда видно будет. Но его жена Лена думала совершенно по-другому. Она с самого начала хотела полноценную семью и, прожив с Эдиком почти семь лет, однажды собрала тихонько вещи, когда Персов был за границей, и ушла. Сначала сняла комнату, а там и мужика нашла. Она была женщина очень красивая и стройная, поэтому к ней мужчины прилипали, как банные листы. А уж через год, она родила сына. Но Эдик сначала очень переживал, а потом свыкся и начал куролесить по барам и ресторонам. Он все думал, что еще рано, и вообще семейная жизнь не для него. Он мог круглосуточно быть на любых праздниках и мероприятиях. Казалось, что жизнь, остановилась на тридцати годах, и наступил день сурка. И никто

ему не был авторитетом. Никто не мог его остановить. Нет, он пил совсем не много, ему больше хотелось быть в центре внимания. По истине, он был настоящим артистом, но только сцена у него была в ресторане за столом. Вот только один Белогорский, своим спокойным голосом мог заставить Персова остановиться на неопределенное время и слушать, слушать и слушать. Белогорский рассказывал так складно и красочно, что в сознании Эдика всегда всплывала полная и красочная картина происходящего. Он сам полностью погружался в эту картину и плавно перетекал в параллельный мир.

– Короче, слушай! – Белогорский наклонился вперед и уперся локтями в рабочий стол. – Сегодня я был в параллельном мире! – Клим на мгновение остановился, чтобы посмотреть на реакцию Эдика. Это всегда происходило так, когда он начинал что-то рассказывать. Белогорскому было удобно, когда его слушают внимательно. Тогда он мог излить все, что ему хотелось.

– Фу-у! – Эдик тяжело выдохнул. – А я думал, что случилось, что-то очень страшное! Ну, ты Палыч меня напугал. – Персов откинулся на спинку дивана.

– Интересно, это как же? – засмеялся он.

– А вот так! – Клим встал из-за стола. – Ты даже себе представить не можешь, что я сегодня видел! – Он снова подошел к окну и бросил взгляд на площадь Победы. Там по-прежнему струйки народа, как ручейки, тянулись в сторону Северного вокзала. – Вот скажи, Эдик: тебе когда-нибудь снился

хороший секс? Ведь ты же еще тот ловелас! – Клим повернулся к Персову и сделал вопросительный вид.

– Ха! А то, как же. Еще как снился. – Эдик еще вольнее распластался на кожаном диване и расплылся в умиленной улыбке. – Чего мне только не снилось! И молодые, и старые и даже... – Персов громко рассмеялся.

Белогорский подождал, когда Эдик утихнет, и снова продолжил:

– А вот мне ни когда раньше такого не снилось, – честно признался он.

– Чо, серьезно? – Эдик скривил лицо. Это, как же ты прожил столько лет?

– Да вот так и прожил. – Белогорский вновь сел в кресло. Понимаешь, у меня замечательная и очень красивая жена. И я её и Мирочку очень люблю. А здесь сегодня мне, как выяснилось, приснился очень яркий и красочный сон. Я думал, что нахожусь в раю и из него мне никак не хотелось уходить. – Клим снова сделал паузу. Ему было немного стыдно. Раньше он никому и никогда не рассказывал таких личных и интимных вещей. Да, ему действительно никак не хотелось идти куда-то на сторону и искать приключений. Ему не хотелось сравнивать свою Надю с кем-то. Не было никакого желания вдыхать чей-то интимный аромат. Ему нравилось исключительно все в своей жене. И тело, и лицо и улыбка, и характер и ее запах, который он мог почувствовать на дальнем расстоянии, как натасканная на наркотики или на взрыв-

чатку специальная служебная собака. А сегодня, он впервые был сражен и повержен той, другой. Той, которой не было. Той, которая была просто иллюзией из необыкновенного сна. И сейчас ему очень хотелось с кем-то поделиться этим видением. Потому что раньше с ним это не происходило. А сейчас он никак не мог найти себе места. Как будто его оторвали от материнской груди. Он жадно искал тот момент, чтобы снова вернуться туда, откуда его выдернула мирская жизнь. – Эдик, ты только не смейся! – Белогорский продолжал, ломая пальцы на руках. Сегодня я видел настоящую богиню! Я даже до сих пор чувствую ее аромат. Я не знаю, откуда она взялась в моем воображении, ведь я точно знаю, что в жизни я никогда не встречал такого исключительного чуда, – он взял бутылку со стола и налил воды в стакан. Такое ощущение, что я всегда ее знал. Это даже никак невозможно объяснить. Она просто самый настоящий идеал. – Белогорский поднял вверх указательный палец и на мгновение застыл.

– Ну, ты Палыч даешь! – Эдик тоже сделал глоток воды и поуютнее уселся на мягком диване. – Небось, блондинка длинноногая? – с иронией ковырнул Персов.

– Не то слово! – внезапно оттаял Белогорский. – Я же говорю, что это настоящая богиня! – он снова поднял вверх указательный палец.

– Не то, что блондинка, самый настоящий альбинос! – он принизил тон и почти шепотом продолжил, как будто за две-

рю стояла его жена и внимательно вслушивалась, что он сейчас скажет.

– Я даже обделался, как молодой солдат! Со мной такого в жизни никогда не происходило. А самое главное, что меня кое-как разбудила жена. Она мне даже искусственное дыхание делала и по морде хлестала, чтобы я в сознание пришел. А я в это время сливал всю свою страсть в это чудо. Я был там, в параллельном мире. А Надя меня вытаскивала. А та никак не отпускала меня от себя. Да я и сам не хотел уходить оттуда. – Клим разнервничался и еще раз сделал глоток воды.

– Эх, напиться бы! – неожиданно вырвалось у него.

– Да не проблема! – Эдик заёрзал на диване и сразу же перехватил инициативу.

– Ты Палыч не нервничай так. Это же всего лишь сон. Давай-ка, мы с тобой отложим в сторонку все дела и пойдем, врежем по пивку под грибочки в летнем кафе. – Персов почувал, что сегодня будет необыкновенный вечер.

– Да, ты прав! – Клим снова спустился на землю.

– Можно и по пивку! Правда, я не очень-то люблю это дело. Да, и что скажет Надя? Я ей тоже сегодня обещал пораньше прийти. – Белогорский никак не мог бросить начатый разговор. А вот просто так, мусолить ни о чем, сейчас у него не получалось. Ему хотелось сразу и обо всем рассказать Эдику. Да и не только Эдику, ему хотелось об этом рассказать самой Наде или даже крикнуть из окна своего офиса.

И он чуть этого не сделал еще тогда утром, но каким-то образом сдержался и стыдливо ушел в ванную. Хотя она потом за завтраком спрашивала его, но он технично ушел от ответа, ссылаясь на то, что ничего не помнит. А сам, когда глядел на жену, пытался найти в ней именно ту, которая сегодня ночью самым натуральным образом, положила его на лопатки. Он ждал этого момента и вот сейчас, почти брызгал слюной и готов был распустить всю сказочную картину по ниточке, накручивая ее на веретено своего языка, смакуя от наслаждения и обсасывая каждое мгновение, как будто, он смаковал вкусную костлявую рыбу.

Закрыв офис, они быстро спустились с четвертого этажа на новом бесшумном лифте и через мгновение оказались в бесконечном потоке убегающих от назойливой жары сотен людей. Клим совершенно не обращал никакого внимания на встречных и постоянно спотыкался об них. Он в это время пытался что-то говорить Эдику на ходу, но тот вел его целенаправленно к Развлекательному Комплексу. Несколько сот метров оказались для Белогорского одной секундой. Он закончил свой рассказ о волшебной леди, только тогда, когда Эдик поставил перед ним на столик стеклянную пол литровую кружку, наполненную до краев свежим холодным пивом янтарного цвета, на стенках которой собирались тысячи мелких капель воды и тонкими струйками стекали на деревянную столешницу. Клим жадно сделал несколько глотков желанного напитка вместе с пеной и не произвольно сделал

громкую отрыжку.

– Ну, как тебе пивко? – одобрительно спросил Эдик.

Клим немного растерялся. Он только сейчас понял, что даже не заметил, как оказался здесь. Он снова был в своем рассказе, там, где-то далеко в параллельном мире. Он так красиво рассказывал Эдику все то, что видел там во сне и ощущал, что оглянувшись, увидел, как на него глядят с соседних столиков незнакомые посетители и внимательно слушают его рассказ.

Жара стояла на самом пике дневного времени. Переполненные маршрутки и троллейбусы, лениво останавливались перед светофором и немного отдышась, неохотно и тяжело, вновь начинали движение по заданному маршруту. Асфальт не выдерживал жарких лучей горячего солнца и начал плавиться, как шоколадная конфетка на ладони у ребенка. Пешеходы в разноцветных одеждах, быстро наполняли автобусные остановки и, ожидая зеленого сигнала светофора, толпились перед переходом с одной и с другой стороны улицы. Одни, торопились, побыстрее попасть на центральный рынок за покупками, другие наоборот, как можно скорее хотели запрыгнуть в общественный транспорт и добраться до своего дома и там снять с себя тяжелую ношу рыночных покупок.

– Ты, что! Ничего не понял? – неожиданно Клим прервал свой сказочный рассказ.

– Понимаешь. Я целый день не могу найти себе места. –

Клим еще раз сделал несколько глотков и резко поставил тяжелую кружку.

– Да брось ты Палыч! Это же просто обыкновенный сон. И не более того. – Эдик последовал примеру Белогорского и вальяжно сделал глоток свежего пива. – Ты знаешь, сколько мне таких снов снилось? – Я по ночам просыпался в холодном поту, от страха, что женщины мне хотят отрезать мое мужское достоинство, если я не буду жениться. А я сказал себе, что больше никогда не женюсь. Вот и снится всякая белиберда. – Персов достал из пачки сигарету и демонстративно закурил, выпустил вверх плотную струю дыма. – Хороший сон тебе приснился Палыч! – А я вот, что хотел тебе сказать, – он очередной раз затянулся и выдохнув, стряхнул пепел. – Я сегодня договорился с одним человеком. Надо только немного дать ему денег. И он нам отдаст хороший заказ на рекламу. Он там, в Мэрии работает. – Эдик кивнул в сторону площади Победы.

– Да чёрт с ней с этой рекламой и мэрией. Пусть они пропадут пропадом. – Я тебе говорю, что это не сон. Ты, что не понимаешь, что она настоящая. Она где-то здесь, совсем рядом. Не может быть, чтобы я ошибся. Я никогда в жизни такого не чувствовал и не видел. – Белогорский даже привстал со своего места.

– Э, э! Да ты успокойся! Палыч, ты случайно не перегрелся? – Эдик ехидно рассмеялся. Ага! Давай посмотри по сторонам. Может она сидит сзади и ждет, когда ты ее в койку

позовешь! – Персов не сдержался и заржал, как конь.

Клим не выдержал и ударил по столу кулаком. Тяжелая кружка с пивом подпрыгнула от удара, но не опрокинулась. Посетители летнего кафе, все, как один, разом повернули головы и застыли в ожидании предстоящего скандала или драки. Эдик не ожидал такого расклада от всегда спокойного Белогорского. Раньше, он никогда не замечал за Климом таких резких движений и выпадов. Персов даже испугался от внезапности такого поведения Белогорского и зажал в ладонях свою пивную кружку.

– Эдик, я на полном серьёзе! Ты можешь меня выставить любым дураком, но я каким-то шестым или седьмым внутренним органом чувствую, что это не простой сон. Я так же, как и ты, видел миллионы разных снов, но этот, какой-то особенный. И я тебе даю слово, что найду ее. Не знаю, где и как это будет выглядеть, но это точно будет! – Клим медленно разжал кулак и залпом выпил оставшееся пиво, после чего, ни сказав, ни слова Персову, быстро покинул заведение.

Жара с каждой минутой все сильнее и сильнее брала свои рубежи. Солнце яростно стремилось растопить своими лучами все вокруг. Даже асфальт в самом центре балтийского города не выдерживал и превращался в грязную и вязкую жижу. Автомобили своими горячими шинами выдавливали из твердого покрытия черную блестящую, липкую смесь, ко-

торая сразу же прилипла к протектору и громко чавкая, оставляла заметные пятна на проезжей части, рисуя замысловатые узоры. Прохожие быстро рассыпались по подъездам и навесам. Они торопились зайти в тенёк и выпить чего-нибудь прохладного. Неспokoйные птицы уже давно вывели свои потомства и держались в зарослях могучих деревьев или пропадали на берегу у водоемов стараясь побыстрее пережить жару.

Нина Афанасьевна привычно повернула ключ и со скрипом отворила входную дверь своей трехкомнатной квартиры. Тяжело дыша, она поставила тяжелые сумки с продуктами на пол, поспешно закрыла за собой дверь.

– И-да! – Звонким протяжным голосом пропела она. – Идочка, ты дома? – снимая старые сандалии, Нина Афанасьевна, утирая платком лицо, продублировала свой вопрос. Не дожидаясь ответа, она надела мягкие домашние тапочки, взяла сумки и прошла на кухню. Аккуратно разложив продукты на полочки в холодильнике, и проверив чек, выданный в магазине, она хлопнула дверцу и грузно уселась на табуретку. Сделав короткую передышку, она еще раз пронзительно звонко позвала внучку. Но, не услышав ответа, взяла со стола плюсовые очки и, нахлобучив их на переносицу, взглянула на свои руки. – Ты смотри! – вслух пробурчала она. – Э-э, руки то мои совсем не к черту. Глянь – ка чо есть, совсем посинели. Аида! Ты дома или нет? – не прекра-

щая рассматривать свои руки, она продолжала нервно звать внучку. – Да когда же ты только вырастишь? Никакой помощи от этой стервы нет. Это ж надо, такую тяжесть тягать под восемьдесят лет! – Нина Афанасьевна продолжала бурчать себе под нос, вспоминая прошлые годы, когда она была еще совсем молодая. После окончания строительного техникума в Минске, она по распределению поехала в Калининград восстанавливать его после разрухи. Да, тогда совсем было очень трудно. Это шутка ли в деле, молодой девчонкой уехать из родного дома, черт знает куда. Да потом, туда, где не было ни друзей, ни родных. Тогда жить было негде. Сначала, некоторое время ютились в палатках, а уж потом комнатку выделили в разрушенном доме. И так потихоньку, помаленьку привыкла. Была сначала прорабом, а потом и до мастера дошла. Свою семью некогда было создавать, работы было очень много. Старый город почти весь был разрушен. И уцелевших домов после бомбежки было совсем мало. Таких, как она, приезжих, было очень много. Это потом, когда она уже привыкла и дела пошли хорошо, Афанасьевна вышла замуж. Но беда преследовала ее. Бог детей не дал. Все вроде-бы было хорошо. И муж попался очень хороший. Михаил был крепким мужиком, красивым и работающим. Всю войну прошел и остался здесь в Кёнигсберге. А вот детей у них не получилось. А она была молодая и красивая девчонка – кокетка. Многие тогда замуж звали, да только она оставалась верна одному. И вот почитай прожили с мужем почти

десять лет, а детишек очень хотелось. Ну и решили они взять девочку из дома малютки. Долго выбирали, хотели, чтобы уж наверняка она была без родителей и навсегда осталась с ними. Так и получилось, нашли такую девочку, как Миша хотел в Черняховском доме малютки. Девочка была всего году от роду. Маленькая очень и немного больная. Врачи говорили, что это она простудилась. Но когда они ее усыновили, оказалось, что слюна у нее постоянно течет от того, что она какая-то недоразвитая. Ну, они и не стали дальше искать правду. А девочка росла симпатичная, только вот склонности у нее были странными. Что-то она отставала в развитии и отличалась от своих сверстников. Позже на этой почве дома начались скандалы. Муж иногда начал упрекать ее в том, что она не может родить нормального ребенка. Однажды она очень разозлилась и ушла из дома. Целых три дня жила у подруги и ни как не хотела возвращаться. Даже хотела покончить с собой. Изрядно выпив, она пошла на берег реки Прегель и уже собралась прыгнуть, как ее остановил прохожий мужчина. В общем, уговорил и привел к себе домой. Она с ним пробыла до утра и как это бывает, согрешила. И надо же тебе, господь наградил ее за такие страдания. Уже после того, как вернулась домой, она, через некоторое время узнала, что беременная. Сначала, муж очень обрадовался такому счастью, но со временем ложь вышла наружу. Он сильно запил. А потом и сердце не выдержало. И она осталась одна с двумя детьми на руках. Со временем дети

выросли, и приемная дочка быстро вышла замуж. К соседке подселился постоялец, молодой летчик. Так вот Нина Афанасьевна быстро их познакомила. Научила дочку, что да как. И через пару месяцев они уже расписались. А молодой муж Сережка, вскоре был отправлен по распределению в Германию. Вот она с ним и уехала. А там, сколько прожили и у них дочка родилась. Любил Сережка слушать оперу под названием АИДА. Вот так и называли свою дочку Аидочка. А своего сына Антона, Нина Афанасьевна тоже быстро женила. Уже в двадцать с небольшим в его паспорте сияла яркая печать, говорящая о том, что его владелец женат. Так получилось, что в соседнем доме, молодая девушка восемнадцати лет осталась без родителей. И ей досталась двухкомнатная квартира. А Нина Афанасьевна так уж сильно любила своего Антошу, что спала и видела, чтобы он жил в достатке. А тут на тебе, молодая девушка, да еще и с квартирой. Не выдержала Афанасьевна такого момента. Да и не могла она его упустить, так, как намыкалась сама, по палаткам да общежитиям, все счастье искала, да приданного большого. Всегда была на хорошем счету у руководящего состава. А позже, когда девяностые начались, получила она свою заветную «трёшку» рядом с зоопарком и сказала себе, что никому ее не подпишет, пока жива будет. А там уже делайте, что хотите. Вроде бы все наладилось, да только еще до этого, что-то у Ольги с Серёжей не заладилось и, она с Идочкой вернулась домой. Приёмная Ольга разумом была не далеким и по-

этому на работу ее не очень-то хотели брать. Кое-как подрабатывала нянечкой в детском садике, пока Идочка росла, а потом и вовсе на рюмочку подседа. Так и подумала Нина Афанасьевна, что биологические родители у нее были обыкновенными алкашами, каких пруд пруди. Позже она конечно-же не поленилась и разыскала ее настоящих родителей, но правда только по свидетельствам о смерти. И действительно, она оказалась права, что настоящие мать Ольги была лишена родительских прав за пьянку, а отца вообще не значилось. Тогда все встало на свои места. Всплакнула не раз тогда Афанасьевна, да что делать, жить то надо было дальше. И она жила и работала за троих. Сынок тоже работать не хотел, а она его, куда только не пристраивала, да все без толку. Правда однажды заставила его отучиться на работу в море, рыбу обрабатывать с тем и отправила его по морям. А сама взялась воспитывать внучку Аиду. Здесь уже она себе сказала, что промаху не даст с ее воспитанием. Теперь, она всю свою любовь и материнскую нежность вместе с неизрасходованным опытом той женщины, которая всю жизнь билась и боролась за счастье, отдавала без остатка любимой внучке. Да может быть и не совсем любимой, но все-же больше последней, в которую она хотела вложить всю себя без остатка. Теперь она летала над ней коршуном или орлицей и контролировала каждый ее шаг. Афанасьевна знала буквально все о своей внучке до самых мелких откровений. Слава богу, ребенок родился божественно красивым и белоснежным. Они

поначалу даже испугались, что Аида будет настоящим альбиносом. А это значит, что она будет глухая или еще какие другие отклонения. Но к радости бог миловал, и девочка росла умопомрачительно красивой. Она была похожа на настоящую Белоснежку. И шикарные длинные волосы, и ресницы и брови, все было белоснежным. Её можно было в любое время показывать по телевизору, как что-то необъяснимое. Плюс еще к этому, господь наградил ее яркими голубыми глазами и уникальным интеллектом. Она была умна не по годам, как будто, она была хранительницей всей собранной информации за многие жизни. Ей даже неинтересно было учиться в школе. Она запоминала все на ходу. И могла сразу пересказывать любой рассказ учителя, украшая его своим художеством, как будто она сама была в этом рассказе. Все слушали ее с раскрытым ртом и говорили, что она будет настоящей актрисой. Но Аида не очень хотела быть актрисой. Вообще она не могла найти себе друзей из своих сверстников. Ей было скучно, потому, что она откуда-то знала очень многое, а то, что говорили и делали ее подруги, ей казалось совсем детским. Она практически знала всё, ну или почти все. Поэтому у Идочки были молниеносные ответы на все вопросы. А Афанасьевна быстро уловила этот момент и всегда общалась с ней, как со взрослой. Она как-то сразу сделалась ей подругой, но в то же время была настоящим надзирателем над внучкой. Ей самой иногда бывало страшно, когда она совсем заговаривалась с ней, то чувствовала, что

Аида гораздо сильнее ее. И что она знает гораздо больше, хотя книги она совсем не любила. Она больше находилась одна в своей комнате и играла в куклы. Но при этом, ни когда с ними вслух не разговаривала.

Переведя дух, немного отдышавшись, Афанасьевна тяжело встала и направилась в дальнюю комнату.

– Идо-чка! – снова нараспев, притворяясь на высоких нотах, она позвала внучку. Зайдя в комнату, Нина Афанасьевна увидела, что Аида спит на расправленном диване совершенно голая и повсюду разбросаны игральные карты. Сама Идочка была неотразимо – красивая. У нее было идеальное тело, сформированной взрослой девушки. Даже Афанасьевна порой очень завидовала такому телу своей внучки. И поэтому сама себе дала клятву, во что бы то ни стало, найти ей очень богатого мужа. В действительности, она хотела очень дорого продать свою внучку, чтобы жить безбедно и припеваючи всю оставшуюся жизнь, о чем она мечтала много лет. Но все, это было, только в мечтах и здесь она увидела и почувствовала маленький, но очень хороший шанс, воплотить свою мечту в реальность. И ей до заветной цели оставалось совсем немного, всего-то чуть больше двух лет, до совершеннолетия внучки. А там, у нее были уже готовые свои коварные планы. А пока она делала все, чтобы внучка развивалась и была послушной и поистине принадлежала только самой Афанасьевне. Она уже почти добилась своего, нащупав своим коварством нужные точки управления своей внучкой. –

Ой, милая моя принцесса! – Афанасьевна подошла к спящей внучке и присела на краю разложенного дивана. – Умаялась бедненькая! – она осторожно провела по шелковисто белым волосам трясущейся рукой. Аида ни как не отреагировала на прикосновение бабушки. Нет, она не спала. Она продолжала лежать с закрытыми глазами, тяжело дыша. Она только что закончила очередной сеанс своего колдовства, гадая на картах. Аида иногда делала так, но не очень часто. Только тогда, когда бабушка уходила надолго, и она оставалась одна. Нет, она ни когда и нигде этому не училась. Эти знания и владения гадания картами были в ней с самого ее рождения. Просто она однажды взяла бабушкины карты и начала раскладывать их, при этом рассказывая, что произойдет. Бабушка сначала не обращала внимания, а потом ужаснулась, когда Идочка после очередного сеанса сказала, что сегодня за стенкой умрет соседка. И действительно так и произошло. Афанасьевна после этого случая попросила Аиду раскинуть карты и на нее. Но внучка не стала этого делать, а только сказала, чтобы она не переживала, что с ней будет все хорошо и хоть болезненно, но ты бабушка проживешь очень долго. А сколько именно, этого я тебе говорить не буду. И вообще, я уже давно всё взяла в свои руки. И все будет так, как мне сказали там. Она показала пальцем на потолок и подняла глаза.

Аида лежала и не хотела открывать своих глаз. Ей сейчас вообще не хотелось разговаривать с бабушкой. Да и вообще

она не хотела ни кого видеть. Она сейчас находилась в каком-то другом измерении. После очередного сеанса, так называемого колдовства, она погрузилась в транс и ее душа, и сознание унеслись в недалёкое будущее. Несколько секунд назад она была наедине со своим любимым человеком. Она пленила его и делала все, чтобы он там, в том измерении красивого сна, хорошенько запомнил ее, и потом здесь наяву разыскал ее. Она так хотела, чтобы он нашел ее, и они встретились в этой жизни. И сейчас ей было очень хорошо и приятно. Она еще тяжело дышала и немного вспотела от бурного процесса, который происходил там, в другом мире.

– Идочка! Ты часом не заболела? – Афанасьевна приложила морщинистую руку к ее лбу и почувствовала жар у внучки. Сердце тревожно забилося, и она быстро встала и укрыла ее одеялом.

– Ба-бу-шка! – не открывая глаз, резко откинула одеяло Аида. – Ну что ты лезешь? Что тебе от меня надо? Я тебе уже миллион раз говорила, не лезь ко мне и не мешай! – Аида резко встала и сгребла одеяло в кучу, бросила его в бабушку. – Уйди с моих глаз! – нервно выпрыснула она и, не одеваясь, быстро прошла в ванную.

– Да я то что, я-то просто подумала, что тебе плохо и хотела помочь. – Вдогонку пропищала Афанасьевна. Она действительно хотела быть всегда ей полезной. Мать Аиды, Ольга, мало воспитывала свою дочь. Она была ей больше, как мачеха и Афанасьевна после развода пыталась долго ей най-

ти нового мужа. И вот совсем недавно, всего пару лет назад, пока Афанасьевна бегала по разным конторам, случайно познакомилась с одним моряком. Дмитрич давно ходил в море помощником капитана на рыболовецких судах. А дома у него что-то не заладилось, и получилось так, что поговорив с ним, Афанасьевна быстренько пристроила свою Ольгу поварихой в море. А там после девяти месяцев вахты, Ольга вернулась домой вместе с Дмитричем, только уже сожителами. Нина Афанасьевна тогда не стала противиться этому и выделила им одну комнату. Хоть Павел Дмитриевич и был почти на двадцать лет старше Ольги, но все-же, это был нормальный мужчина в самом соку и очень хорошо относился к дочери. Главное, что она теперь была под его присмотром, да и при деньгах, чего Афанасьевне очень не хватало. А воспитание Идочки она взяла на себя. Афанасьевна знала, что в это время у детей наступает переходный период, но чтобы так, она, ни как не могла с этим свыкнуться. Они с внучкой часто ругались, и Идочка была очень вспыльчива. Да чего уж там, они даже бывало, что самым настоящим образом дрались. А потом ходили с синяками и говорили соседям, что это несчастный случай. Аида вообще не боялась ее и позволяла все, что ей заблагорассудится. Но потом бабушка какой-то хитростью снова, уговаривала внучку, и у них, на короткое время наступал мир. И, чем взрослее становилась Аида, тем страшнее становилось самой Афанасьевне. Она очень боялась, что скоро совсем не удержит энергети-

ку внучки, и она может пойти в разнос и натворить больших бед.

Аида с силой захлопнула за собой дверь в ванную и звонко щелкнула шпингалетом, давая знать бабушке, что та ее очень сильно взбесила. Открыв на полную катушку оба крана с горячей и холодной водой, она уселась на унитаз и закрыла руками лицо. Только теперь, она могла спокойно вернуться туда, откуда ее насильно выдернула не вовремя вернувшаяся бабушка. Она очень часто прибегала к таким действиям, когда с ней поступали не так, как ей хотелось, или мешали заниматься своим делом. Уж очень она этого не любила. Только здесь она могла полностью расслабиться, зная, что сюда ни кто не зайдет без ее разрешения. С другой стороны, это была ее настоящая крепость, где она чувствовала себя в полной безопасности. Она могла часами находиться в ванной и подолгу сидеть на унитазе и медитировать. Или залезть в ванную и смотреть на себя в зеркало, любуясь своей невероятной красотой. Она даже наизусть знала сказку Пушкина и часто цитировала ее, глядя в зеркало: – Свет мой зеркальце скажи!

Идочка делала так несколько раз, но зеркало ей не отвечало, а она воображала, что оно не отвечает по причине того, что нет, кроме нее, на всем белом свете и милее ее и белее. Ей самой очень нравилось ее молодое упругое и очень красивое тело. Она перелистала сотни журналов разной моды,

сравнивая девушек на обложке и глядя в зеркало, чувствуя, что ее облик и все остальное выглядит гораздо круче и привлекательнее. Она приятно улыбалась, и настроение возвращалось к ней, превращая ее гнев в невероятную доброту. Вот уж тогда, она делала на своем красивом лице боевой раскрас, накладывая на ресницы и губы, тяжелые и яркие слои черной бархатной туши и бледной помады, предварительно толстым слоем смазав все лицо тональным кремом. Она это делала очень искусно, и получалось невероятно красиво. Аида становилась похожа на манекен или даже просто была вылитая кукла Барби.

Погрузившись в полное одиночество, она снова и снова перелистывала свое сознание, не пропуская ни одного кадра из того, что она только что недавно видела в своих колдовских видениях. Она воспроизводила в памяти его лицо и густые с яркой проседью волосы. Идочка чувствовала его запах, и даже тембр голоса. Войдя в глубокий транс, Аида полностью мысленно прокрутила все события, которые происходили с ней и с ним в тот момент, когда она занималась с этим мужчиной страстной любовью. Хоть она и была еще очень молода, но уже давно была сформирована, как девушка и как женщина. Она берегла себя для него и вот, он обозначился на ее горизонте, но пока еще только в сновидениях.

После такого разговора с Эдиком, Клим впервые не хотел идти домой, несмотря на то, что он жил здесь не далеко

от развлекательного комплекса. Ему сегодня совсем не хотелось встречаться и разговаривать с Надей. Он представил себе, как она будет снова смеяться над ним и допытываться, как следопыт, что-же он такого видел во сне, что не смог удержать своих маленьких мужских войнов. Она всегда называла мужское семя именно войнами. Надя говорила, что именно они ведут захватническую войну за будущее. Но всего лишь единицы достигают в этой войне главной победы, которая дает новую жизнь. А остальные миллионы просто погибают. Вообще Климу очень нравилось по ночам разговаривать с Надеждой. Она всегда ему рассказывала что-то такое, чего он ранее не знал и даже не задумывался об этом, после чего он вновь и вновь пересматривал своё пребывание в этой жизни и частенько задавал себе вопрос, для чего он вообще появился на земле в виде человека, если целые миллионы его собратьев остались где-то там, в начале пути женского тела. Но после сегодняшнего сновидения, он, ни как не мог найти себе покоя и хоть какого-то малейшего объяснения этому видению. А с Надей он не мог говорить об этом напрямую. Да и зачем рассказывать ей, про каких-то, невероятно красивых блондинок. Он совершенно не хотел травмировать ее, как женщину, понимая, что, как бы она не отнеслась к этому с пониманием, все равно у нее останется плохой осадок, который потом может вылиться в большую ссору. Клим шел по улице и успокаивал себя тем, что у него действительно очень хорошая жена и замечательная дочка Ми-

рочка. И, слава Богу, бизнес пошел в гору и вот еще немного, и они приобретут свою заветную двушку. И у них будет свое жилье. Они уже даже присмотрели отличную квартиру, здесь не далеко на улице Рокоссовского. Уже договорились, что через три месяца внесут предоплату и начнут оформлять документы. Клим даже с работы начал ходить мимо этого дома, планируя, как они будут здесь жить. А уж потом и хорошую иномарку можно будет приобрести и махнуть всей семьей по Европе на машине, пока Мирочка совсем не выросла. Такой план минимум был у них с Надей. И он изо всех сил старался выполнить его досрочно. Уж очень долго, да практически всю жизнь он мечтал об этом. И вот теперь оставалось совсем не много, нужно было еще чуть-чуть потерпеть. Клим не спеша, шагал по Ленинскому проспекту, засунув одну руку в карман бежевых парусиновых брюк. Ему действительно сейчас не хотелось идти домой и встречаться с женой. Он совсем не обращал ни какого внимания на страшную жару и на быстро бегущих мимо прохожих, на ходу слизывая с деревянных палочек холодное мороженное и с жадностью проглатывая прохладительные напитки. Погода была безветренная, и невероятная жара стояла уже несколько дней до самого позднего вечера. Для Балтийского побережья это было совсем не привычно. Местные жители, привыкшие к средней годовой температуре в девятнадцать градусов, вообще не хотели показываться на улице. Они, либо выезжали на море или на озера или

просто набирали в ванную прохладную воду и периодически погружали свои тела туда, как бегемотики, таким образом, спасая себя от теплового удара. Только мальчишки не боялись ни чего и, не снимая своих летних одежд, они плескались в фонтанах на главной площади. Клим, в очередной раз, проходя мимо Площади победы, вспомнил, как он со своими дружками, как – то раз летом, убежали из детского дома и уехали в Москву. А там добрались до ВДНХ и весь жаркий день плескались в парковых фонтанах. Клим даже улыбнулся и мысленно перебрал в памяти всех своих друзей, с которыми он вырос в детском доме.

– Эх, Калининград! – вслух произнес Белогорский. Он остановился напротив белоснежного Храма Христа Спасителя и, не стесняясь прохожих, несколько раз перекрестился и склонил голову. Как будто чувствуя, что он стоит перед каким-то важным испытанием новой дороги и сегодня что-то привело его сюда, как бы, получить на это испытание благословение божье. Нет, он совершенно ни о чем таком не думал. Ему и не хотелось думать о чем-то таком, чтобы пошло в разрез его запланированной жизни. Но все же, что-то тяготило его, и он снова и снова погружался в тягучие мысли прошлого сновидения. Белогорский и раньше видел красочные сны, и даже бывало, что соскакивал с постели на ноги от страха. Но быстро про это забывал. Бывало, что потом, после какого-то времени он вспоминал более яркие сны в тот момент, когда происходило что-то такое невероятное. Ему

казалось, что он это уже где-то видел и даже иногда вспоминал, как тот или иной сюжет происходящего он видел в своем сне. Ему становилось, как то не по себе и голова сама вытягивалась в плечи. Сначала он делился своими видениями с женой, но она не придавала этому никакого значения, а он, ни как не мог объяснить, почему у него эти сны сбываются. Однажды Белогорский даже завел тетрадку и по утрам, когда просыпался, записывал туда отрывки своих снов. Правда, получалась не очень впечатлительная картина, но все же ему иногда удавалось воспроизвести в своей памяти моменты из своих снов, происходящие наяву через некоторое время. А сегодня он побывал в реальном сне, только в каком-то параллельном мире. Белогорский ни как не мог объяснить, что он видел и чувствовал. Он шел по улице, и ему казалось, что вот именно сейчас она окликнет его, и он узнает именно ту девушку из параллельного мира. Он шел по улице и заглядывал в лицо каждой прохожей девушке. Он снова незаметно для себя вернулся на летнюю площадку развлекательного комплекса и устало присел на скамейку.

– Ну что, нагулялся? – спокойно, как ни в чем небывало спросил его Персов. Эдик почему-то подумал, что Клим скоро вернется. Правда, он ни когда его таким не видел. Эдик знал Белогорского давно и уже понимал его с полуслова. Но сегодня все изменилось. Он понял, что Белогорскому нужна помощь. И пока Клим прогуливался, Эдик позвонил знакомым подругам и уже все организовал. Персов знал,

как можно было расслабить Белогорского. Хотя до этого дня, Клим ни разу даже ни пытался и подумать о другой женщине. У него была одна единственная и неповторимая Надежда, которую он любил больше своей жизни.

– Ты давай присаживайся, я тут холодненького заказал! – Эдик заметно засуетился и быстро позвал официантку.

– Нет, нет! – Клим поднял перед собой руку. – Я пас! Я сейчас немного посижу и домой. – Клим начал приходить в себя. Он вспомнил, что Надя наказывала ему зайти в магазин и купить кое-какие продукты.

– Да успокойся ты Клим! – Эдик, по-дружески успокоил Белогорского и что-то шепнул официантки на ушко. – Ты думаешь, я в такую жару собираюсь пить? Я что, с дуба рухнул? – Эдик заржал, как конь, обнажив свои железные фиксы. – Мы сейчас только по бокальчику холодненького и по домам! – Ты смотри жара-то, какая! Совсем не отпускает. Наверное, так и держится далеко за тридцать. – Персов взял бумажную салфетку со стола и вытер ей лицо.

– Правильно врачи говорят, что нужно в день выпивать два с половиной литра воды. Это очень полезно для организма. А мы с тобой по кружечки пива, да и только. А что такое пиво? Выпил и тут же в туалет сходил и все! Но за то, какой кайф! – Персов снова заржал как конь.

– Да, это точно! – невольно улыбнулся Белогорский. Вкальываешь круглосуточно, а все никак успехов не видать! – почему-то он пожаловался на жизнь Персову. Наверное, ни

чего другого в голову не пришло, потому, как она была забита одним воспоминанием о той голубоглазой незнакомке. Он еще хотел, что-то добавить, но мысли его начали рваться в непонятные картинки и он не заметил, как симпатичная официантка поставила на стол два бокала холодного пива. Жажда взяла свое, отправив в нокаут все философские мысли. – Да чёрт с ним! – Клим неумело выругался и поднял запотевший бокал.

– Вот так-то. – Эдик быстро поддержал Белогорского и звонко чокнулся с ним. Осушив одним залпом большую часть содержимого бокала, Клим звучно поставил бокал на стол и непроизвольно сделал отрыжку. – Вот это по-нашему! – снова засмеялся Персов. Поверь мне, что через пять минут, все будет очень хорошо. И ты забудешь свою блондинку. А если нет, то я тебе покажу настоящий рай. Ты только доверься мне и не возражай.

Клим постарался не противиться другу. Он почувствовал, как легкий огонек пивного напитка растапливает его желудок. Ему сделалось так приятно от этого жжения, что он не стал противиться судьбе и с удовольствием отхлебнул из кружки свежего пива.

– Да-а! – поставив кружку на стол, протянул Белогорский. – А, что? Может действительно оторваться по полной? – он неожиданно задал прямой вопрос Эдику. И не дожидаясь ответа, снова приложился к кружке.

– Эх! Чувствую, у нас сегодня будет настоящий вечер. –

Персов сделал несколько небольших глотков пива и, поставив кружку, махнул привлекательной официантке.

Свежее янтарное пиво быстро сделало свое дело. Клим почувствовал себя очень даже превосходно. Голова приятно затуманилась. Губы, перестали покорно слушаться хозяина и при разговоре, ему приходилось несколько раз повторять некоторые фразы. Он много вспоминал о своем детстве, что раньше ни когда не делал. Даже слеза выкатывалась из его голубых глаз несколько раз. Он жадно рассказывал о себе, о не сложившейся жизни и о чем-то еще, при этом часто пропуская янтарный напиток. Дневная жара быстро перевалилась в вечернюю духоту, и площадка летнего кафе заполнилась загоревшими отдыхающими. Клим с Персовым за разговорами и выпивкой, даже не заметили, как вокруг потемнело, и народ вернулся с морей и вышел на пятничную прогулку.

Белогорский разошелся, как большой маховик в мощном двигателе. Ему хотелось еще и еще раз выпить и высказать все наболевшее. И ничего сегодня не останавливало его. Он несколько раз отвечал на назойливые звонки от жены и, не выдержав, отключил телефон, небрежно бросив его на стол.

– Все! Ты меня достала! – он выдохнул и громко крикнул официанту, – Водки нам, водки! Да, дайте же, наконец, что-нибудь закусить! – Он подсел к Эдику с боку и взял его за руку. – Ну, вот скажи мне... Разве можно так издеваться

надо мной... Я ведь их с Мирочкой больше жизни люблю, а она мне давече говорит, что этим делом надо с вечера заниматься!

– А как же я могу этим делом с вечера заниматься, если я до ночи занимаюсь тем, чтобы заработать денег. А тут такое приснилось, я в полном ауте. Да я сам собой не владел. Ты представляешь, я во сне кончил!!! А она начала смеяться надо мной. И что мне теперь делать а? – Белогорский взглянул на Персова, как брошенный щенок, случайно прибившийся к новому хозяину.

– Давай водки выпьем? – уже изрядно захмелев, жалобно предложил Белогорский.

– А то! Я только за! Водки нам! – громко продублировал приказ Белогорского официантам Эдик.

Вечер действительно становился бурным и даже очень горячим. Нет, не от того, что погода стояла очень жаркая, а от того, что мысли и желание в первый раз за много лет, наконец-то, вырвались на свободу, как будто сам Аид из глубокого подземелья выпустил всю нечисть. Вечер быстро перегрузился в бархатную ночь. Безоблачное небо покрылось белыми пушистыми пивными пузырьками, и они весело заплясали где-то там далеко да ветками деревьев, периодически прячась за крышами советских пятиэтажек. Светофоры сменили свой рабочий режим запрещающего света и, установив желтый мигающий, уснули до утра. Усталые трамваи в последний раз прозвенели своими громкоголосыми звон-

ками, шумно укатили в парк, поскрипывая железными потертыми колесами. Только таксисты, как воронье, подлетали к развлекательному комплексу и, остановившись у входа, изрыгивали из машин ухоженных клиентов, готовых потратить неопределенную сумму денег в этом заведении, чтобы отдохнуть по душе. Таким образом, и себя показать и на других посмотреть.

Белогорский с Персовым, изрядно подвыпив, незаметно для себя последовали за вереницей приезжих гостей в жерло городского разврата. Туда, где все души и тела находили свое успокоение и, добавив на грудь определенного количества спиртного, пускались в пляс под шикарную музыку местных ди-джеев. Развлекательный комплекс был в три этажа и включал в себя несколько шикарных залов и ресторанов. А в подвальном помещении располагалась самая настоящая Таверна, она называлась «Дикий Дюк», что в переводе означает Герцог. Именно там царило великолепное убранство в стили средневековья и обстановка позволяла расслабиться на все сто. А уж потом по крутой лестнице подняться на другой этаж, заглянуть в казино или сразу вывалиться на шикарный танцпол, где собиралась вся элита города. И, когда ноги или разум совсем переставал слушаться хозяйина, можно было спуститься этажом ниже и отдохнуть в современной пиццерии, так сказать, поправить свое здоровье свеженькой пиццей.

Как и обещал, Персов устроил Белогорскому забывае-

мый вечер. Для начала, они спустились в таверну, а уж потом прошлись по всем остальным залам и наконец, выдали все, что не смогли сказать словами, рассказали окружающим в своих неповторимых танцах.

Клим чувствовал себя, как рыба в воде. Он впервые увидел себя перед зеркалом в захватывающем танце. Ему очень понравилось, и он даже подумал, почему раньше никогда не ходил в ночные клубы. Он видел, как красивые и даже очень красивые и стройные девушки делают ему комплименты. И он щедро одаривал их выпивкой из бара. Когда он очередной раз подошел к стойке бара, чтобы заказать двум незнакомкам мартини, то увидел сидевшую на стуле красивую и очень грустную девушку. Она сидела, молча, у барной стойки и жадно пила виски. Он изо всех сил напряг сознание и узнал в этой девушке свою секретаршу.

– Лиза? – непроизвольно спросил Белогорский. И не дожидаясь ответа, добавил, – Ты, что здесь делаешь? Ты же у меня отпросилась со своими друзьями на море? – Белогорский очень удивился и, подвинув свободный стул присел рядом позабыв про заказ.

– Ой, Клим Павлович! А вы то, что здесь делаете? – Лиза виновато улыбнулась и поправила распущенные волосы. Она конечно ни как не ожидала, встретить здесь своего босса. Да и вообще она ни когда не думала, что он может вот так запросто появиться в ночном клубе.

– А я, Лизочка тут вот с Эдиком... – он начал немного

заговариваться от волнения.

– Что, Клим Павлович, отдыхаете? Вы с супругой или как? – пронзительно спросила она.

– Да мы тут с Персовым... – он сделал паузу, чтобы поймать трезвые мысли и не найдя ни чего оправдательного протяжно на распев добавил, – От-ды-ха-ем!

– Ваш заказ! – опытный бармен поставил на барную стойку два бокала мартини и вставил в содержимое коктейльные трубочки.

– Ах, да! – Белогорский быстро рассчитался и виновато начал искать в толпе понравившихся ему девушек. Он провёл взглядом по сторонам и увидел машущего ему рукой Персова. Персов дал знать, что девушки уже сидят у него за столом.

– Клим Павлович, Вы что, пьете мартини? – улыбнулась Лиза. – Это же женский напиток! А вам больше бы подошло виски.

Белогорский никогда не попадал в такую ситуацию и не знал, что делать. Конечно, он имел право делать то, что захочет. Но все-же сейчас ситуация складывалась не в его пользу. Он не хотел, чтобы его видел в таком состоянии кто-то из знакомых. Он вообще не хотел, чтобы его жена когда-нибудь в жизни узнала о чем-то подобном. А Лиза работала у него и могла случайно рассказать об этом при встрече с Надей. А Белогорский не хотел делать ей больно. Хоть он и не чувствовал за собой ни какой измены и вины, но все же.

– Слушай Лиза, давай-ка пойдем к нам за столик и там поговорим. Ну, что ты будешь здесь одна? У тебя видать тоже не все хорошо? – Белогорский в ответ Персову поднял руку.

– Да Клим Павлович, Вы правы. Хочется выпить и побить всех! – она сделала очередной глоток и у нее на глазах навернулись слезы.

– Да, что случилось? – Белогорский не выдержал и, поставив на барную стойку бокалы, взял Лизу за плечи. Лиза встала со стула и, прижавшись к груди Белогорского, виновато заплакала. Виски сделали свое дело, и она уже не могла остановиться. Клим развел руки в сторону и не знал, что делать в такой ситуации.

– Мужчина, пройдемте на выход! – ситуацию разрушили два охранника в черных костюмах. – Я повторяю, оставьте девушку в покое и на выход! – не дожидаясь ответа, они взяли Белогорского под руки и быстро пошли на выход.

– Вы, что? Он ни в чем не виноват! – увидев такую ситуацию, Лиза, как ледокол ринулась с криками вслед за ними, разрезая толпу. Белогорский попытался что-то объяснить здоровякам, которые не вели, а практически выносили его из заведения, но молниеносный профессиональный удар одного из охранников, выключил его из сознания.

Надя уже давно приготовила ужин и никак не могла найти себе места. Она еще ни разу в жизни так не переживала за своего мужа. Что-то очень сильно беспокоило ее. И ко-

гда она вновь набирала номер телефона Клима и слышала механический женский голос в трубке о том, что абонент не доступен, Надя приходила в ярость. Ей хотелось вот прямо сейчас, разбить этот чёртов телефон об стенку. Или еще больше, растоптать его ногами, а потом бить, бить и еще раз бить этого подонка по щекам. Ну, почему, он так поступает с ней? Неужели нельзя просто позвонить и предупредить, о том, что задерживается? Ушел еще с самого утра, а сейчас уже дело к полуночи... и ужин устала греть. И она уже не знала, что и думать. Мирочка уже несколько раз выходила во двор, чтобы встретить отца, но прогулявшись, возвращалась ни с чем.

– Да где его черти носят? И что же могло произойти? – Надя, уселась в кресло и, взяв пульт, начала машинально переключать программы в телевизоре.

– Да не переживай ты так, ну наверное задержался на работе. А может с кем-то новое дело обсуждает, – обняв маму, Мирочка попыталась ее успокоить.

– Да нет же, доча! Я очень хорошо знаю твоего отца. Он ни когда бы не позволил себе такого. Даже если было бы что-то очень важное, он все равно нашел бы минутку времени сообщить мне об этом. А так только остается по больницам и не хватало еще, по моргам звонить. – Надя, даже сама испугалась своих слов. Она на мгновение представила, что с Климом, что-то случилось, и он лежит где-то на железной холодной медицинской каталке. Она с ужасом от страха и безыс-

ходности закрыла лицо ладонями. Мгновенно на ее глаза навернулись слезы, и какая-то истерика подступала к ее разуму. Но она уже ни чего не могла с собой поделать.

– А может позвонить дяде Эдику? – резко оборвала плохие мысли мамы Мирочка. Своим «а может», она мгновенно вселила маленькую крупинку надежды на хороший исход данного положения.

– Да, конечно же! Как же я сразу об этом не подумала. – Надя, быстро попыталась утереть ладонями мокрые глаза, но получилось как-то неуклюже. И она только размазала свои слезы вперемешку с небольшим количеством туши на ресницах. Она истерически бросила на диван пульт от телевизора и дрожащими пальцами набрала номер Персова. Нажав кнопку «вызов», она осторожно приложила трубку к уху, откинув красивые волосы в сторону. Белогорская очень боялась, что у Персова телефон будет так же отключен. Но через мгновения в трубке послышался четкий протяжный гудок.

– Ну, давай же Эдик, возьми трубку! – Надя вслух несколько раз произнесла эту фразу.

– Ал-лë-ë! – в трубке послышался знакомый голос Персова. Но этот голос очень сильно заглушал громкий шум музыки и какого-то пронзительного женского смеха.

– Алë, Эдик! Это Надя Белогорская! Скажи, пожалуйста, что с Климом? Что с ним случилось? У него отключен телефон! Где мой муж? – она хотела еще что-то сказать,

но на другом конце провода прозвучало:

– Ал-лэ! Перезвоните, пожалуйста, вас не слышно! – и в трубке послышались короткие гудки.

Надя истерично швырнула телефон на диван и, не выдержав, уткнулась в свои ладони лицом. Она непроизвольно, скорее всего, от бессилия, как-то совсем по-детски, заплакала. Она плакала, а слезы выливались ручьём из ее красивых глаз. Она ни чего не могла поделать с собой. Казалось, что все части тела, в один раз, перестали её слушаться. Даже сердце начало биться, как-то невпопад. Надя пыталась успокоиться, но ничего не получалось и она еще больше и громче, уже совсем не по-детски, а как истеричная женщина, у которой только что увели мужика, начала реветь взахлёб и навзрыд. Никто и ни что не могло теперь ее успокоить. Она была, как «белуга», от своей беспомощности. Еще никогда в жизни, она не позволяла себе такого. Да и, такого момента в ее жизни, по сути, никогда не было. Жизнь летела перед её глазами, как реактивный самолёт. Нет, даже не самолёт, а скорее всего, как грозовая молния. Она пыталась в этот момент ухватить из своей жизни, что-то самое плохое и ни как не могла уцепиться своими воспоминаниями за какую-нибудь малость, чтобы зверски напасть на своего любимого Клима и высказать ему очень многое, что сейчас она даже не понимала, что происходит. Но всякий раз, в ее сознании всплывали кадры самых лучших и светлых дней их жизни. И от этого она еще громче, уже совсем по-бабьи про-

должала рыдать.

– Мама, мамочка! Ну что с тобой случилось? Ну, что ты так убиваешься? Не переживай, все будет хорошо! – Мирочка присела рядом с матерью на диван и крепко обняла ее. – Ты успокойся, пожалуйста. А я сейчас сбегая к папе на работу. Там же охранники в здании работают, и я у них все узнаю. Может правда у него какое-то важное дело. Да мало ли, что? – Мира, изо всех сил пыталась успокоить мать, но видя, как мама страдает, не выдержала и тоже разревелась вместе с ней.

Надя крепко обняла дочь и прижала ее голову к своей щеке. Их слезы скользили маленькими ручейками по щекам и переплетались между собой, как весенние ручьи, устремившиеся от жаркого солнца, куда-то в далекую неизвестность, обгоняя друг друга. Беспрепятственно, они добирались до подбородка Мирочки и, как чемпионы по прыжкам без остановки бросались вниз, разбиваясь в дребезги о голые коленки уже сформировавшейся красивой молодой девушки.

Надя почувствовала, что что-то произошло. Вот именно сейчас, что-то стало совсем не так и, время побежало совершенно в другую сторону. Она ни чего не могла знать, но интуиция ей твердила, стуча огромным молотом по вискам, что с этой минуты ей придется сделать какой-то выбор. Именно она должна что-то сделать или предпринять, чтобы все вернуть на свои места. Горячие женские слезы бежали без оста-

новки, как будто сломался водопроводный кран и, и чтобы закрыть его, нужно поменять какую-то деталь в этом кране. Но Надя еще не знала, какую именно деталь нужно было менять. И вообще, она не знала, что происходит, но ее лицо было совершенно бездушным и невыразительным. Белогорская, смотрела, куда-то в открытое окно, где между домов, пряталась огромная неуклюжая луна. Она, как толстая старуха выглядывала из-за многоэтажки и заразительно хохотала над обессиленной от непонимания женщиной, покачиваясь на черном покрывале бесконечного неба. И эта чертова старуха, конечно же, что-то определенно знала. Она точно знала, что именно случилось с Климом и, что вообще будет дальше с ними со всеми. Но эта луна, только покачивалась в наплывающих слезах на глаза Надежды и через эти слезы Надя видела хохочущую желтую старуху, которая, своим идиотским смехом, пыталась унижить и раздавить маленькую счастливую женщину.

Аида долго стояла у распахнутого окна в бабушкиной спальне и жадно выкуривала очередную сигарету. Она, стояла, молча надев на себя шикарное бальное платье, приобретенное ее мамой для выпускного вечера, на который она так и не пошла по необъяснимой причине. Но это было не главное, главным было то, что она уже сейчас видела себя совсем взрослой, и ей очень хотелось по быстрее получить все права полноценного человека. Она делала так часто, когда до-

ма ни кого не оставалось, Идочка любила перебирать свой многочисленный гардероб и, перемерив все перед зеркалом, обязательно надевала выпускное платье, вставала на высокие шпильки и часами стояла у подоконника в бабушкиной спальне и смотрела в окно. С третьего этажа своей квартиры, она видела все, что творится в ее дворе и даже немного больше. Она чувствовала, что происходит у соседей. Она слышала все разговоры и была в курсе всех событий. Иногда, оставшись в очередной раз одна, Идочка полностью импровизировала и ставила дома театральные монологи и репризы, где сама же являлась и главным героем и актером второго плана и даже массовкой. Она легко справлялась с такими постановками и выкладывалась по полной. Ей было, это очень интересно. Она очень хотела познать, как и что чувствуют ее герои, соседи и просто проходящие люди в той или иной ситуации. Аида так умело и жизненно входила в любую роль, что иногда просматривая очередную картину по ТВ, ей было неприятно и противно смотреть, как неумело играют актеры. Тогда она бесцеремонно подходила и выключала телевизор, даже если бабушка смотрела свой очередной любимый сериал. Аида быстро зашоривалась и тогда уже ни кого не слышала. Она выключала весь окружающий мир и полностью погружалась в свои мистические медитации. А сейчас, она, выкуривая очередную сигарету, переминалась с ноги, на ногу, оставляя в полу от каблуков глубокие следы. За долгое время ожидания своего будущего, Аида стоя у окна остави-

ла довольно заметную вытоптанную дорожку у подоконника. И ни кто, ни грозная бабушка, ни слабенькая мама и даже ее пожилой отчим, не могли препятствовать ей в ее действиях. Они сами по себе побаивались ей перечить и мешать, потому, как им казалось, что она может припомнить и отомстить своими мистическими гаданиями. Они вообще были уверены, что она как-то связана с потусторонним миром и иногда, когда мама с мужем собирались в дальний рейс, часто заваливали ее подарками, чтобы у Аиды, было хорошее настроение и, она благословила их на поездку. Ну и, конечно же, когда возвращались, они обязательно привозили ей много разных дорогих подарков. И вообще, они не жалели для нее ни чего, главное, чтобы она была спокойна и не мешала им жить своей жизнью. А Аидочка, все это очень хорошо понимала и очень наигранно улыбалась им и благодарила за внимание. Потом позже, пока родители были в отпуске и отдыхали от долгого морского рейса, она их высасывала до последней нитки. Она всегда находила тысячу причин, чтобы купить ту или иную вещь, пусть даже ей совсем не нужную. Но она, пока они были в рейсе, любила делать шопинги по магазинам. Она, таким образом, присматривала понравившиеся вещи, а потом, когда мама с отчимом приезжали из командировки, она воплощала свои маленькие мечты в жизнь. А уж если те воспротивились ей и говорили, что это дорого, она сразу же закатывала страшную истерику и добивалась своего. Бывало, что дело доходило до того, что она

могла вот так запросто упасть на пол посреди магазина и истерически кричать и бить ногами и при этом очень громко ругать матом свою мать или бабушку. А то и бывало, что она набрасывалась на них с кулаками или могла разодрать ногтями лицо. И как только получала то, что хотела, сразу же становилась очень ласковая и послушная девочка. В любом случае, она добивалась своего и получала всегда то, что хотела. Со временем, когда этот гадкий утенок подрос и превратился в очаровательную красавицу-принцессу, родители думали, что с возрастом у нее это все пройдет. Но не тут-то было. Даже теперь, когда она стала настоящей красавицей, от которой не возможно было оторвать взгляд и, она это хорошо знала, Аида стала еще агрессивней и запросы у нее становились совсем не детские. Теперь ей нужно было практически все. А главное, она хотела знать и видеть то, что делают только взрослые люди. Теперь она могла среди ночи зайти в комнату матери и вот так запросто потребовать, чтобы мама со своим мужем занялись сексом. Конечно же, они ни разу этого не сделали, но она была решительная и пыталась их шантажировать. Она могла снять с себя одежду и сама залезть в кровать к маминому мужу, предупредив его, если он пошевелится, она сразу же заявит в полицию. Но, слава богу, это были, только ее издевательские игры и все заканчивалось тем, что она в очередной раз получала то, что она где-то присмотрела ранее в магазине. Взрослые знали и понимали, что так больше не может продолжаться и то, что ско-

ро, что-нибудь все равно должно произойти, но сделать ни чего не могли. Они просто на просто боялись выносить сор из избы и не хотели, чтобы соседи говорили плохо. Да и сама Нина Афанасьевна Чачина могла любому перегрызть горло за свою Аиду. Она всегда и всем говорила, что Аидочка у нее самая лучшая и самая умная, даже после того, как однажды Аида пришла домой с очередной тренировки по большому теннису, где она подавала очень большие надежды на большой спорт, пьяная и с сигаретой и бутылкой пива в руках.

Аида стояла у распахнутого окна и делала глубокие затяжки сигаретного дыма вперемешку с теплым ночным воздухом жаркого лета. Сделав очередную затяжку, она выдыхала густую струю дыма в сторону, чтобы та, не заслоняла ее взгляд на огромную луну. Они уже давно играли в переглядки. Аида вновь и вновь глубоко затягивалась густым дымом, меняя очередную сигарету.

– Ну, что ты на меня так пристально смотришь? Что ж, давай поиграем! – очередной раз, выдохнув густую струю сигаретного дыма, Идочка ехидно улыбнулась и затушила в стеклянной пепельнице догорающую сигарету. – Что ты на меня смотришь? Все равно будет так, как я хочу, – она достала новую сигарету и привычно чиркнула зажигалку. В комнате повис новый клуб дыма. В лунном свете он напоминал, какой-то неуклюжий персонаж из детских страшилок. Густой дым медленно, как жижа, расплзлся по сумрачной комнате, впиваясь своим зловонным запахом в каж-

дую щель, одежду и мебель. Наполнив собой маленькую комнату и не найдя для себя свободного места, густая пелена ядовитого тумана, медленно переваливалась за подоконник и скоростью старой черепахи плыла дальше за окно по тихой и безветренной погоде, оставляя за собой густой шлейф неприятного запаха. На улице было безветренно, тихо и очень душно, только изредка по старой немецкой брусчатке с грохотом проносились все время куда-то спешащие такси и другие спец. машины. Город давно уже устал от долгой жары и даже ночью его жители не хотели выходить из своих квартир и домов. Они не хотели делать лишних движений и, открыв свои окна, распластавшись на белых простынях, с нетерпением ждали, когда же подует прохладный ветерок. Лишь молодежь собиралась во дворах, где неподалёку расположены маленькие продовольственные круглосточные палатки и магазинчики, набирали прохладное пиво и под громкие разговоры, распивали янтарный напиток.

Не докурив очередную сигарету, Аида затушила её в пепельнице. Она еще раз взглянула на огромную луну, которая заполнила собой весь небосклон и, загадочно ухмыльнувшись, плотно задернула шторы. Прикрыв плотно дверь, она включила свет и достала из-за зеркала старые карты. Не снимая шикарного платья и красивых босоножек, взгромоздилась на широкую бабушкину кровать, несколько раз перетасовав колоду с картами, принялась их раскладывать прямо на постели. Именно сейчас, когда мама с отчимом бы-

ла в долгом рейсе в море, а бабушка уже видела десятый сон в большой комнате на диване, Аида решила, погрузится в транс и еще раз посмотреть того, кого она видела в прошлую ночь в своем далеко не детском сне. Теперь она точно знала, что тот человек, который ей приснился в этом красочном сне, непременно встретится на ее пути. И всё дальнейшее зависит только от нее самой. А уж этой задуманной судьбы, она ни как не должна упустить. По своему разуму, она давно уже была не ребенок и чувствовала в себе сильного и очень умного человека. Правда об этом она ни когда и ни кому не говорила, ни подружкам в школе и во дворе, ни даже бабушке, с которой у нее были большие откровения. Да, конечно же она любила свою Афанасьевну, но такого, как, сказать ей, что она пришла сюда на эту землю из прошлого, чтобы найти того самого человека, с которым она что-то не договорила в прошлой жизни, Аида не могла себе позволить. Да она вообще не хотела быть посмешищем и ей ни как не хотелось растрачиваться на эти смешные байки непонимающих людишек, которые просто живут, ради того, чтобы жить. Но она, это уже, видела в своих прошлых жизнях, и сейчас ей как можно быстрее хотелось встретиться именно с ним. Ей не терпелось отомстить ему за то унижение, которое он ей причинил. И вот, она наконец-то его нашла. И он находится совсем рядом и ей нужно только приложить немного усилий, чтобы встретить его. Она его уже чувствовала всей кожей и полным сознанием. Ей оставалось уточ-

нить некоторые моменты и подробности, чтобы быть полностью уверенной и не ошибиться! И вот, настал тот долгожданный момент, и даже сама ночная властительница собственной персоной выкатилась в полном облиии на свой ночной трон.

Аида быстро разложила гадальные карты на кровати, встала и зажгла у зеркала несколько свечей, щелкнув выключателем, она посмотрела в мрачное зеркало, бросив взгляд повелительницы, она метнулась к зеркалу и вытащила из большой вазы, стоявшей на тумбочке, маленькую блестящую коробочку. Идочка испуганно оглянулась на дверь и, убедившись, что все в порядке, умело, открыв коробочку, достала из нее маленький цилиндр, похожий на карандаш. Открыв колпачок, она, аккуратно высыпала перламутровый порошок на запястье руки. Немного подождав, она размазала его по рукам и тщательно нанесла его на лицо. Бросив взгляд в зеркало, она быстро все убрала и уверенно начала открывать ровно уложенные карты. Нет, она не была наркоманкой. Да и она бы этого никогда не допустила. Просто однажды, она познакомилась с взрослым человеком, который по происхождению был чеченец и занимался каким-то непонятным делом. У него был свой большой дом, дорогие машины, пятеро детей и две жены. Когда он остановился у тротуара, по которому шла Аида, она, не задумываясь, села к нему в новый дорогой Мерседес. Они встречались с ним не долго, но за это время он научил ее многому. Ей не очень то и хо-

телось встречаться с ним, но эта встреча с взрослым человеком, ей была очень нужна. Она была нужна ей, для того, чтобы стать самостоятельной, взрослой и независимой. По мусульманским законам он предлагал ей замуж, но Идочка отказалась и они расстались друзьями. С тех пор она берегла подаренную ей шкатулку для самых важных моментов в своей жизни.

Всё лишнее моментально покинуло её разум, лишь остался образ того самого любимого, которого она ни как не могла забыть вот уже несколько тысяч лет. С того самого момента, когда она впервые увидела его и хотела навечно связать свою жизнь с ним. Но произошло, что-то внезапное, когда земля под ее ногами развезлась и она очутилась в плену самого Аида. Ей пришлось выйти за него замуж и покориться ему. Даже её отец, сам Зевс, ни чего не смог сделать, потому, как, она сама, тогда приняла от Аида несколько спелых зерен граната и теперь могла лишь изредка посещать мир живых. А все остальное время ей приходилось оставаться в царстве мертвых, там, где правил сам Аид и она навечно принадлежала ему. Персефона не любила мужа, но очень любила того, кого сама вырастила и воспитала, когда однажды её родная сестра Афродита спрятала у неё маленького младенца от неминуемой гибели, иначе отец Зевс обнаружив этого младенца, сразу бы убил его. Но воспитав и взрастив этого юношу, она полюбила его больше жизни, хотя сама жизнь для нее была вечностью и она знала, что жить будет всегда.

Но вот однажды сестра вернулась за ним и забрала Адониса с собой. На редкость юноша был очень стройным и красивым, что сама Афродита не могла устоять перед ним и тоже полюбила его. С тех пор две сестры разрывали его между собой и ни как не могли смириться. Но все же, сколько-бы, не прошло времени, она никак не могла забыть его. И каждый раз, когда имела возможность вырваться в свой очередной отпуск из царства мертвых, она снова и снова начинала искать его, чтобы вырвать свою любовь из цепких рук своей родной сестры Афродиты, которая всегда находила способ забрать Адониса у повелительницы теней царства мертвых. И когда она находила его, время для них останавливалось, и они напивались друг другом и снова расставались, чтобы вновь встретиться, не взирая ни на что, пусть даже через тысячу лет. Так уж распорядился ее отец, самый грозный из богов на свете, имя которому Зевс. Но всё это было в той, прошлой или потусторонней жизни. Или тогда, когда она погружалась в транс и душа её летала по другим мирам, перелистывая страницы прошлого исторического бытия и уклада мирской и мифологической жизни. И когда она возвращалась в своё современное тело, ей казалось, что она, это и есть та самая Персефона, любимая дочь Зевса, главного бога Олимпа и богини плодородия, его жены Деметры. А может, это всё действительно так! Может быть, после того, как Аид, бог подземного царства мёртвых, обманным путём заманил её к себе и насильно взял её в жены, а она очень не хоте-

ла этого и теперь уже несколько тысяч лет мучается и ищет свою любовь в странствиях и скитаниях по мирам, на время покидая царство мёртвых, чтобы ещё раз увидеть своего возлюбленного и насладиться его страстью и отдать всю свою любовь.

Аида, всё глубже и глубже погружалась в транс. Все вокруг поплыло в ярко-красочном хороводе, и перед ней начали появляться образы близких и знакомых. Её сознание еще пыталось зацепиться за любой знакомый предмет, но что-то очень сильное тянуло в неизвестность, и она уже ничего не могла поделать, как отдаться этому неизвестному, но очень приятному магниту. Когда она открыла последние три карты, то все краски уже смешались, и душа вспорхнула, как птица и полетела куда-то вверх по огромному красочному тоннелю, в конце которого было очень светло и приятно. Аида, чувствовала это и ни как не противилась всему, что с ней происходит. Ещё мгновение и она очутилась на красивом райском берегу тёплого синего моря. Лёгкий бриз слегка раздувал её изумительные белые волосы и трепетно колыхал лёгкое свадебное платье. Она шла по самой кромке воды, где слабая морская волна, омывала теплотой её красивые ноги. Она шла туда, вперёд, где из-за горизонта показалась долгожданная фигура того, кого она, вот уже долгое время так искала и хотела увидеть. Ещё мгновение и её нервы не выдержали, и она побежала к нему на встречу, вытянув вперёд руки. Её хотелось быстрее обнять его и прижаться к нему

и стоять вот так долго-долго. А потом смотреть на его лицо, смотреть прямо в глаза. Смотреть долго, не отрываясь, чтобы навсегда запомнить его лицо. Запомнить его глаза и потом целовать, целовать и целовать. Она бежала всё быстрее и быстрее, отдавая все силы, чтобы быстрее приблизить этот миг. Увидев бегущую Аиду, Клим тоже рванул вперёд изо всех сил, и помчался подобно ветру ей на встречу. Они наконец-то встретились и утонули в объятиях друг друга. Сначала они долго стояли молча и смотрели друг другу в глаза, жадно напиваясь долгожданной встречей. Но Аида всё же не выдержала и как сумасшедшая начала целовать его в губы, глаза, лоб и шею, приговаривая:

– Теперь ты мой! Теперь ты навсегда мой и только мой! – но тут появилась какая-то женщина. Она властно взяла Клима за руку и повела его за собой. – Не-е-т! – закричала Аида, упав на колени в песок.

– Ты не посмеешь его забрать у меня! Я всё равно верну его себе! – Аида упала на песок и вонзила в него свои тонкие пальцы. Ненависть охватила её разум и она начала истерично бить кулаками по белому песку, требуя вернуть ей её возлюбленного. От такой ярости и ненависти, волосы её почернели и сделались смолянисто-чёрными. Затем почернели и ногти, и белоснежное платье. Еще немного и она превратилась в большую чёрную ворону. Охрипнув от долгих криков и рыдания, она собрала последние силы, взмахнув крыльями, изрыгнув громкое карканье, тяжело взлетела над мо-

рем и улетела за горизонт.

Белогорский никак не мог открыть глаза. Яркие солнечные лучи не давали ему сделать это. Они, как пудовые гири, своим ярким светом давили на его веки, вдавливая его в мягкую подушку. От этого голова казалась чугуной и мало чего соображала. Он всё же попытался и отвернул в сторону лицо от яркого солнца и медленно с трудом приоткрыл веки. Незнакомая комната была залита потоком солнечного света, навечно впившегося в красивые узорчатые обои. Он окинул взглядом потолок и обнаружил на нем незнакомую люстру. Клим почувствовал резкую боль в затылке и снова закрыл глаза. Его тело было тяжелым и ни как не поддавалось его сознанию. Он мысленно прокрутил в своей голове вчерашний день и так и не смог понять, что произошло и где он находится. Придя в себя, он с ужасом обнаружил, что опоздал на работу и вновь открыл глаза и, преодолевая головную боль, оторвал голову от подушки. Рядом с ним, разбросав по подушке шикарные длинные черные волосы, лежала какая-то молодая обнаженная девушка. Она крепко спала лёжа на животе, уткнувшись в подушку. Тупая боль еще сильнее ударила Белогорского по затылку и метастазами отдалась в висках. Он схватился ладонями за голову, пытаясь зажать эту страшную боль своими руками. Ничего не понимая, он не произвольно и по привычке позвал жену:

– Надя!

В это же мгновение он сообразил, что рядом с ним находится совершенно другая женщина. Поняв это, Белогорского охватил страх и дикий ужас. Головная боль усилилась от прилива крови. Он снова обхватил ладонями голову и попытался взять себя в руки и сосредоточиться.

– Спокойно! Сейчас во всем разберемся! – начал успокаивать себя Белогорский.

Спящая девушка потянулась и повернулась на спину, полностью обнажила свои женские прелести. Она была действительно идеальна. Клим стыдливо посмотрел на неё и непроизвольно произнес:

– Лиза?

Девушка открыла глаза и, увидев обнаженного Белогорского, сладко улыбнулась и нежно протянула:

– Доброе утро Клим Палыч!

Не стесняясь своей наготы, она как принцесса раскинула в стороны свои руки и ноги по всей широкой кровати и снова улыбнулась.

– Что случилось, Клим Палыч? Сегодня же суббота, а значит выходной. – Лиза сладко зевнула и наградила Белогорского мягкой красивой улыбкой, обнажив свои красивые и ровные зубы.

Белогорский непроизвольно соскочил с кровати, как ошпаренный и только сейчас обнаружил, что он совершенно голый. Он инстинктивно зажал ладонями свой детородный орган и побагровел от стыда. Но головная боль была на-

столько не терпимая, что он снова зажал ладонями свою голову, пытаясь успокоить сам себя. Никак не понимая, что происходит и где он находится, он начал истерически метаться по комнате, пытаясь найти свою одежду, периодически закрывая, то половые органы, то обхватывая голову.

– Я спрашиваю, что ты тут делаешь? – Белогорскому больше ничего не пришло в голову, как перейти на защиту в виде повышенного голоса. Но повышение голоса у него выходило, как детский испуг, и он ещё больше испугался и отвернулся от Лизы к окну. – Сейчас же накройся! – срывающимся голосом, пытался командовать Белогорский. – Слышишь, я тебе говорю, бесстыдница! – Белогорский хотел выровнять свой повышенный голос, но у него так ничего и не получалось.

– Клим Палыч! – Лиза медленно перевернулась на живот и немного подняла свою красивую попку. – Иди ко мне! – она сделала «кошечку» и протянула к нему руки.

Белогорский непроизвольно повернул голову и, увидев Лизу в такой позе, невольно присвистнул. Он, хоть и никогда не занимался «Кама сутрой», но все же с женой прошли разные позы в супружеском ложе. Да Надя была тоже очень красива, и Клим любил её очень. Но вот здесь и сейчас, Белогорский увидел что-то такое, что ему еще никогда не приходилось видеть. Солнце заливало своими жаркими лучами большую и просторную комнату. И в свете этих ярких лучей, очаровательное и очень привлекательное молодое тело красивой девушки, непроизвольно притягивало его взгляд,

от которого он уже не мог отвернуться. Она лукаво и пристально глядела на него своими большими глазами, положив подбородок на вытянутые руки, как кошка, которая ждала, когда её хозяин подойдет и нежно погладит её по голове. Действительно, она ждала этого с нетерпением. Сегодняшняя ночь для нее получилась большим праздником или даже фейерверком души и тела. После того, как вчера, она, приехав на море, со своими друзьями, очень сильно поругалась со своим парнем, на которого она возлагала все свои надежды, она отправилась, как говорится, куда глаза глядят. Она вернулась на попутке в Калининград, но не пошла домой, а долго бродила по ночному городу. Погода была безветренная, и было очень душно. Перебирая все сказанные слова своего, теперь уже бывшего бойфренда, она, выпив в летнем кафе два коктейля подряд зарулила в ночной клуб «Планета», чтобы развеяться. Но выпив там еще мартини, она, разревелась от досады, и хотела было уже вернуться назад в Светлогорск, неожиданно повстречала своего шефа. Ну а потом уже после того, как его грубо выставили охранники на улицу, где он был без сознания, Лиза вместе с Персовым, как мать Тереза, повезла его на такси к себе домой, так как родители на несколько дней уехали, и квартира была свободной. Персов, конечно, еще тот ловелас, правда, он помог ей затащить Белогорского в квартиру, но он тоже был очень пьян и поехал назад, где оставил за столиком двух распутных самок. Он еще хотел привезти их сюда к Лизе домой

и продолжить вечеринку. Но Лиза отмахнулась от него, как от назойливой мухи, сказав, что Климу Павловичу нужно отдохнуть, а потом она отправит его домой на такси. Но так получилось, что домой она его не отправила, а когда уложила его на кровать, он неожиданно превратился в настоящего мужика, и она не смогла устоять перед ним в его ласках и поцелуях. Почти до самого утра, они занимались каким-то невероятным бешеным и в то же время удивительно приятным сексом. За этот небольшой отрезок времени Лиза познала очень и очень многое в интимных отношениях между мужчиной и женщиной. Да, она была уже не девственницей, но такого интима со своим бойфрендом у них никогда не было. Даже подобного ничего не происходило. Димка, хоть и был симпатичным и высоким, но в сексе он точно был не мачо. Хотя и при разговорах с друзьями, бывало, что они обсуждали некоторые интимные вещи, даже не стесняясь своих подруг, но это было совсем не то, что произошло с ней здесь этой ночью. Лиза ни сколько не жалела об этом, ей это очень даже понравилось. Клим Палыч, как говорится, заходил несколько раз подряд, и она ему в этом помогала и сильно возбуждала его. И он шел на нее, как бык на красную тряпку. И ей это очень нравилось. Она отдавала всю себя и без остатка, и вот сейчас, она лежала на широкой кровати в позе кошки и ждала, когда он набросится на неё и подарит еще несколько минут страстного сумасшествия. Сейчас она совершенно не хотела думать о своём Димке или о жене

Белогорского. Она сейчас не хотела думать ни о чём. Лиза лежала на кровати, распустив свои длинные красивые волосы, слегка повиливая приподнятой попкой. Она, как львица ждала, когда этот взрослый самец набросится на неё.

Головная боль, не давала развиваться бытовым мыслям Белогорского. Он еще пытался вспомнить, что произошло вчера, но взгляд изумительной и хитрой молодой львицы, оборвал все его мытарства. Белогорский невольно почувствовал огромный прилив мужской силы в низу живота и его член, как по команде встал, как бравый солдат. Все мысли вновь перепутались и, молодая хищница взяла верх над его эмоциями. Какая-то сила грубо подтолкнула его и через мгновение, он набросился на молодое тело. Всё смешалось густыми красками, и они сплелись в любовных утехах, как две змеи, в брачном периоде. Он не хотел больше думать ни о чем, и незаметно головная боль прошла сама собой. Белогорский отдавал Лизе всю силу, как будто, он это делал в последний раз. Лиза чувствовала его и не хотела мешать ему, это делать. Она, впервые, как то инстинктивно делала то, о чем ни когда прежде не задумывалась и считала при разговорах с Димкой, все эти действия пошлыми и противными. А сейчас, не веря самой себе, как это всё круто повернулось в другую сторону, она стала инициатором практически всех этих пошлых действий. И, чёрт возьми, ей это было очень приятно, и Лиза получала от этого огромное удовольствие, чувствуя себя развратной самкой, перед мужчи-

ной, который старше её больше чем в два раза. Именно сейчас в ней проснулись те древние инстинкты, которые приходили к ней только в самых глубоких снах, и то, когда она просыпалась, то садилась на кровать и крепко сжимала ноги, и очень боялась даже думать об этом. И вообще, когда они с Димкой занимались первый раз сексом, ей это было очень неприятно, разве, что успокаивало одно то, что это делают все и если этого не делать, то никакой семейной жизни не получится. И более того, никогда не родятся дети, без которых, она не видела будущего своей жизни. А сегодня, она почувствовала себя самой настоящей ведьмой, и все эти глубокие инстинкты бурной лавой вырвались наружу. И ей хотелось повторить это вновь и вновь. Возможно, даже Белогорский, ей не очень то и нравился, а может она еще сама ничего не понимала, но его запах тела и вообще, когда он прикасался и входил в нее, она не могла это просто так переносить. Ей казалось, что она умрёт от счастья. Всё её тело покрывалось пупырышками, и она чувствовала какой-то озноб. Моментажно во всем теле разгорался мощный огонь, и она становилась самой жрицей любви. За одну ночь она превратилась из простой красивой девушки в Афродиту любви. И вот теперь в это жаркое солнечное утро, став совершенно другим человеком, она закрепляла то, что познала и открыла для себя за такой короткий промежуток времени. Теперь она знала, что жизнь взрослого человека только начинается и у неё есть только первые шаги в эту непознанную, но очень инте-

ресную жизнь.

Белогорский сделал последнее движение, преодолевая головную боль, упал на подушку рядом с Лизой, обливаясь потом. Он был выжат, как лимон. Клим отдал сегодня очаровательной хищнице всего себя без остатка. Он закрыл от удовольствия глаза и тяжело душа, положил руку на её упругую грудь. Быстро перебрав все кадры из своей супружеской жизни с Надей, он так и не нашел в ней ни чего похожего на случившееся сегодня с Лизой. Но он всё же очень любил свою Надю и никак не хотел причинять ей хоть какую-то малейшую боль. А так, как врать он совершенно не умел, хоть и вырос в детском доме, то тем более, сейчас не знал, как теперь поступить в его предательском грехе. Восстанавливая глубокими вздохами своё дыхание, уткнувшись в подушку, Белогорский виновато произнес:

– Лиза! Лиза, милая! Только, пожалуйста, не делай никаких выводов. Я виноват перед тобою и прошу прощения, что всё так получилось. Я, правда, ничего не помню. Но ведь у меня есть семья. И поэтому я прошу тебя, пусть это останется между нами. А, я со своей стороны, обещаю, что об этом никто и никогда не узнает. Даю слово! Даже Персов. – Клим перевернулся на спину и протяжно выдохнул. Как будто, он только что разгрузил «Камаз» с углём.

– Да, что Вы Клим Павлович! – Лиза, так и не смогла назвать своего шефа на «ты». – Это я сама во всём виновата! – Она, нежно, как змея положила голову ему на живот. –

Вы уж простите меня и не держите зла. А вообще, всё это алкоголь. Я не знаю, что еще, можно сказать. Мне и самой очень стыдно! – Андрейченко, пыталась подобрать нужные слова, только, чтобы Белогорский не почувствовал себя виноватым. Она чувствовала, что им не нужно расставаться вот так и сразу. Ей, конечно же, очень хотелось, чтобы еще какое-то время это продолжалось, пусть не сейчас и не сразу, но хоть изредка. – Я Вас не предам! – почему-то именно так ответила Лиза. – Клим Палыч, Вы не думайте, я не такая. Я всё понимаю, что у Вас семья и Вы их очень любите. Я ни на что не претендую, и сегодняшняя встреча была случайная. И как говорится, она ни к чему не обязывает, – рисуя пальцем на его животе разные непонятные фигуры, Лиза пыталась взять на себя всю вину случившегося и отвести ответственность и подозрения с Белогорского.

Лиза, как-то совсем по-детски хихикнула и со всей женской нежностью прижались к Белогорскому.

Клим впервые в жизни не знал, что ему делать. Ему было очень стыдно и совестно перед своей семьёй и в то же время, было очень жалко Лизу. Никогда еще он себе не позволял таких вольностей и тем более измен.

Белогорский вышел из подъезда и аккуратно прикрыл дверь. Постояв немного, он почему-то обернулся и посмотрел на крышу дома, как будто, на ней сидели ангелы и подсмеиваясь над ним, осуждали его. Перед тем, как сделать

шаг, он быстро скользнул взглядом по окнам пятиэтажки и, не обнаружив в одном из них силуэт ночной спутницы, устало выдохнув, он, отправился в офис.

Яркое и теплое утреннее солнце, метко стреляло своими ослепительными лучами сквозь широкую листву старых каштанов. Эти летние стрелы амура, тысячами, беспрепятственно вонзались в Белогорского. Он слепили ему глаза и проникали в самое сердце. А потом пробирались сквозь опустошенное тело и жестоко жалили его совесть. Белогорский, как уличный босяк или карманный воришка, быстро шел по чистому тротуару, вдоль зоопарка и постоянно оглядывался. Ему казалось, что вот-вот, его окликнет Надя и он провалится со стыда в самое чрево земли. Он шагал всё быстрее и быстрее, при этом, перед его глазами менялись кадры минувшей страстной сцены, где главным героем был конечно же не он. Картинки быстро менялись в его сознании и перед ним мелькало лицо Лизы. Она ему чудилась, то совершенно обнаженная, то в своей светлой блузке, в офисе на работе. Клим пытался найти в ней что-то знакомое из прошлого сна, от которого у него вчера чуть не случился приступ. Нет конечно же это был не инфаркт, но все с этого и началось. И поэтому, вот сейчас он шел пешком на работу по пустому городу, стараясь хоть чем-то оправдать своё отсутствие дома. Но мысли разлетались и перед ним снова и снова всплывал образ несравненной красавицы Лизы. Он сейчас не знал, что ему делать. Приятные воспоминания

вдруг обрывали мысли о Наде и Мирочке. Страх моментально пронзал его сознание, и он шагал еще быстрее, сжимая выключенный телефон в кармане. Дорога не заняла много времени. До центра города от дома Лизы, было совсем не далеко. Белогорский так и ничего не придумал в своё оправдание пока шел на работу. Он не хотел вот так сразу появиться дома. Он даже себе представить не мог, что сейчас там происходит. Хоть он и проклинал себя за случившееся и всю дорогу называл себя подлецом и трусом. Но, всё же, ему было, чертовски приятно и кайфово. Его чувства были в то же время на высоте, как будто он шел не по асфальту, а плавно шагал по облакам и смотрел на весь город откуда то сверху. Уже заходя в лифт, он вдруг вспомнил вчерашний сон и отчетливо увидел то самое лицо обворожительной блондинки, из-за которой всё и произошло. Белогорский снова поймал себя на мысли, что это всё неспроста. Ему показалось, что это все какая-то мистика, которая, так или иначе, преследует его.

Открыв дверь офиса, он снял пиджак и повесил его в шкаф. Привычно пройдя в кабинет, он оторопел и немного испугался. На кожаном диване в трусах и с какой-то голой женщиной в обнимку, крепко спал Персов. Белогорский постоял какое-то мгновение и, не сдерживаясь, громко рассмеялся.

– Приключения продолжаются! – немного успокоившись, произнес он. – Эдик! Давай вставай и убирай здесь всё! –

Белогорский, увидев, что Персов открыл глаза, кивнул ему и вышел в приемную. – Это ж надо! – восклицательно произнес Белогорский и сел в кресло секретаря.

За дверь в кабинете, что-то зашумело и упало, создав глухой звук. Клим устало улыбнулся, подумав, что это Эдик стаскивает свою спутницу с дивана. Он еще раз улыбнулся и представил себя на его месте. А ведь действительно, он совсем недавно выглядел точно так же, там у своей секретарши дома в постели. Белогорский вспомнил Лизу и поуютнее уселся в её рабочее кресло, представив её на рабочем месте. Он еще раз пробежался по своим мыслям, которые, пронесли его сознание по недавним страстям и в его сознании снова появилась та блондинка с красивыми голубыми глазами из его прошлого сна. Белогорский как-то испугался и встрепенулся. Мурашки, солдатскими батальонами пробежали по всему телу, и он сразу вспомнил жену.

– Надя! – вполголоса произнес он. – Надя! Нужно срочно ей позвонить. Да, да, позвонить... – Белогорский машинально взял телефонную трубку на столе секретаря и испуганно положил ее на место. – А, что я ей скажу? – Он сам себе задал, наверное, самый сложный вопрос. Он встал, открыл шкаф и достал из кармана пиджака свой телефон. Телефон был выключен. Покрутив его в руках, Белогорский положил его на стол и снова опустился в кожаное кресло Лизы. – Вот попал так попал! – еще громче произнес Белогорский, обхватив голову руками, оперевшись локтями в стол. – И что

теперь делать? – он вновь задал вопрос сам себе.

– Что делать, что делать? Опохмеляться надо! – дверь кабинета открылась, и в приёмную вышел Персов с помятым лицом, засовывая рубаху в джинсы. – Палыч! – Персов вошел в приёмную и остановился. Его помятое лицо на две половинки разрешила красивая, но, идиотская улыбка. – Чего грустим? У меня всё «ништяк», как у тебя? – он, не дождавшись ответа, открыл холодильник и взяв бутылку минералки, отвернул пробку и начал жадно пить содержимое. Белогорский нервно смотрел на него и тоже глотал слюну. Его мысли настолько забили клетки мозга, что он только сейчас вспомнил о том, что очень хотел пить и вновь почувствовал головную боль.

– Ты давай не прикладывайся! Оставь мне, у меня страшный сушняк, – непроизвольно произнес Белогорский и вытянул шею, как гусак. Персов сделав несколько глотков холодной минералки, остановился и протянул воду шефу.

– На! Держи! – сделав отрыжку, рыкнул Эдик. – Ну, ты вчера дал! – он, прищурился и оголил свои фиксы. – У тебя всё нормально? – он присел на стул возле стены. – А то мне несколько раз твоя жена звонила. – Персов взял пульт со стола и включил кондиционер.

– Фу, ну и жара с утра! – он что-то по регулировал на пульте и заглянул в кабинет. Удовлетворившись ожидаемым, он кивнул своей спутнице, и та быстро вышла из кабинета.

– Здрости! – прошипела она и юркнула в открытую Пер-

совым дверь.

– Давай, давай... пока! – с иронией проводил её Эдик. Он плотно прикрыл входную дверь и, зажав руками лицо, громко выдохнул.

Белогорский, молча, пытался набрать номер телефона Нади прямо с рабочего, чтобы она увидела, что он в кабинете, но подняв трубку, так и не услышал знакомого гудка.

– Клим, ты что делаешь? – Не поняв его, переспросил Персов.

Пробуя уже третью попытку, Белогорский, не отрываясь от телефона, тихо и как-то испуганно процедил:

– Надо позвонить Наде, она, наверное, там с ума сходит. Я ведь так дома и не был. – Белогорский продолжал дуть в трубку в надежде, что там вот, вот послышится заветный гудок.

– Да брось ты Клим. – Персов быстро подошел и поднял с полу упавший провод. – Я еще ночью его отключил, чтобы сюда никто не звонил. Я же, как тебя проводил домой, ну, когда посадил тебя вместе с Лизой в такси, сразу взял эту «шаболду» и мы с ней двинули сюда. – Персов оглянулся на двери и, убедившись, что никого нет, добавил, – Там, на входе... – он принизил тон и подставил ладонь к губам. – Ну, короче, дал охраннику «сотку», и он нас пропустил. Ну а дальше ты все сам видел. – Персов взял бутылку со стола и сделал несколько больших глотков. Жадно проглотив минералку, он поставил бутылку и спросил:

– Ну, а ты как? Отошел от вчерашнего? – и, не дав ответить Белогорскому, добавил, – Ну, ты вчера дал! Я тебя таким еще ни разу не видел. А эти козлы... – Персов кивнул головой в сторону, таким образом, он намекнул на вчерашних охранников ночного клуба. – Я еще, с братвой поговорю по этому поводу. Они «охренели», вот так просто выталкивать из ресторана. – Эдик повернул телефонный аппарат и вставил штекер. Взяв у Белогорского трубку, он нажал на клавишу и вновь отпустил ее... – О, работает! – Персов положил трубку на аппарат и тут же раздался телефонный звонок. От неожиданности, Персов отскочил от стола, как ошпаренный. Белогорский потянулся к трубке и уже хотел снять её, но Эдик опередил его и снова выдернул шнур.

– Ты чего делаешь? – встав со стула, спросил Клим. – А вдруг это по делу?

– Какое дело? Сегодня выходной! – Персов подошел к окну и внимательно оглядел через затемнённое стекло, всю площадь.

– Ты где ночевал? – немного подождав спросил он. И не дождавшись ответа, продолжил. – Я тебе говорю, ты где ночевал сегодня? Мне всю ночь твоя жена звонила, а я не знаю, что ей ответить. Поэтому отключил все телефоны. Я же тебя домой отправил... – Персов наклонился над столом и пристально посмотрел на Клима. Персов понимал, что Белогорский не ночевал дома и сам чувствовал за собой вину в том, что не проследил, что Клим спокойно и без происше-

ствий добрался до дома. Да, он всю ночь переживал за него и всё-таки надеялся, что с Климом всё в порядке. Конечно же, для самого Персова, это было далеко не впервые. Такое с ним часто случалось. И просыпался он частенько с новой подружкой. И в гостиницах бывал и на чужих квартирах. Но вот Белогорский всегда оставался верен своей семье. Для него подобные выходки и гуляния были запретом. Да и относился он к этому с презрением, наверное, потому, что сам он был детдомовским и с самого детства хотел, чтобы у него сложилась настоящая жизнь и крепкая семья.

Белогорский вновь обхватил голову руками, поставив локти на стол, и закрыв глаза, сожалеющим голосом протянул:

– Я – я, подлец! Я полный подонок! Мне никогда не будет прощения! – он не хотел открывать глаза и только сейчас понял, что произошло. Белогорский сам себе поставил оценку, которую заслужил. А самое главное он понял, что уже ни чего нельзя исправить. Но вот где-то там, в самой глубине его сознания, уже родилось маленькое противоречивое существо, которое каким-то противовесом начинало греть его душу, чем-то оправдывающим его поступок. Он на распев проклинал себя за случившееся, но в то же время, это невидимое маленькое существо, шептало ему из глубины, что он молодец. Оно пыталось до него докричаться, что он настоящий мужчина, что он настоящий победитель. И наконец-то, что он настоящий самец. Белогорский скулил

и внимал к себе сладкую лесть из глубины своего сознания. Он чувствовал, как это сознание делится надвое и ему становилось не так страшно, когда весы совести, начинали выравниваться. И от этого его мозг и вообще все тело начинало наливаться какой-то невероятной энергией и эгоистическое «я» выходило на первый план и этим застилало глаза, которые при воспоминании, прошлых любовных сцен, периодически вспыхивали вожделенным желанием повторить все это снова.

– Клим! – Персов немного испугался и поспешил успокоить, а больше всего понять, что же все-таки произошло с Белогорским. – Да, что случилось, наконец? – Персов резко встал и подошел к столу, уперев в него руки.

– А то и произошло! – Белогорский открыл лицо и откинулся на спинку кресла. – Кажись доигрались! Теперь я не знаю, что говорить Наде. Да и не знаю, нужно ли, что-то говорить. Она мне никакой измены не простит. Мы давали друг другу клятвы верности до самой смерти.

– Эдик, я просто полный ублюдок! – Белогорский виновато закрыл ладонями лицо, как будто ему было стыдно перед Персовым, как перед учителем в школе, за невыполненный урок.

– Постой, постой! – перебил его Эдик. – Так ты где всю ночь пропадал? Ты был у какой-то бабы? – Персов сделал умное лицо, которое хотело услышать именно этот ответ.

– У какой-то бабы! – передразнил его Белогорский. – Я

был не у бабы, я провел ночь у самой прекрасной и изумительной девушки, от которой не отказался бы самый преданный семьянин. Я ночевал у принцессы или даже у королевы! – чаша весов Белогорского почти выровнялась, и он почувствовал за себя большую гордость и прилив мужской чести.

– Ты не поверишь, я проснулся утром у Лизы в постели! – с великой гордостью добавил он.

– Тьфу ты! – Персов немного выругался. – А, я то думал, что небо упало на землю. А ты просто не смог удержаться перед своей секретаршей, обыкновенной молодой сучкой, каких тысячи, которые так и мечтают затащить в постель своего боса. – Персов громко рассмеялся.

– Не смей о ней так говорить! – Белогорский повысил тон и даже встал с кресла. – Да, она не девственница, но очень красива и вообще, таких как она, не бывает на свете! – Белогорский даже поднял руку вверх, таким образом, выражая своё восхищение.

– Ой, да надо же. Если хочешь, я тебе таких «Лиз-подлиз», через полчаса штук двадцать доставлю. И все они будут, одна лучше другой. И все они будут тебя облизывать, если я им по сотке баксов дам. – Ты посмотри вокруг. Ты же со своей Надей, кроме дочки и работы дальше метра вокруг себя никого не видишь и не замечаешь, что в народе происходит.

– Я очень хорошо понимаю и знаю, что ты вырос в детском доме, и что для тебя семья, это самое главное и самое

дорогое. Но и так, как ты, наверное, тоже нельзя. Иногда нужно свою психику как-то расслаблять, иначе и до инфаркта не далеко. Ты хоть помнишь, сколько тебе лет? – Персов завелся не на шутку. Он метался по офису, от окна до двери, чиркая зажигалкой. Ему очень сильно хотелось закурить и опохмелиться. После бурной ночи, внутренняя дрожь колотила его, как лихорадка, выбрасывая на лоб большие капли пота. Персов брал свежую салфетку со стола и не замечая вытирал свежую порцию выступивших капель на лице. Белогорский хотел еще что-то сказать, но Персов не давал ему даже открыть рот. Эдик был опытным ловеласом и состоявшимся холостяком. Он точно знал толк в ночных посиделках, ресторанах, клубах и простых тусовках. Он видел насквозь любую женщину, стоило ему завести с ней разговор. Его даже иногда подташнивало от этих интриг, которые начинали плести при знакомстве простые провинциалки. Но иногда инстинкт брал свое, и через полчаса, очередная жертва, была распята на дьявольском одре в какой-нибудь гостинице или у себя дома. Он не гнушался никого. У него были разные девицы и красавицы и толстые и, как говорят, рыжие. Персов с ними не церемонился, он вел себя, как лев в прайде, и за послушание, мог даже вот так запросто ударить ночную жрицу любви или просто, на спор, «взять на Одессу». Нет, он не был каким-то извергом или фашистом. Его тянуло к женщинам, он был «бруттал» и, конечно же, искал свою единственную и неповторимую «Алё-

нушку», которая, сидела бы у окна и ждала его круглосуточно. А пока всё это он делал не ради ненависти или удовольствия, а потому, что его бывшая вот так просто и не уважительно с ним поступила. Ему хотелось, доказать ей, что он настоящий мачо и нет таких женщин, которые бы устояли против него. И это у него хорошо получалось. Да, он это делал профессионально, не успев познакомиться. А на следующий день, Эдик практически и не вспоминал о той ночной красавице, которая, еще несколько часов назад, была с ним единым целым. Они отталкивались друг от друга, как отрицательные заряды и разлетались, как звёзды в космосе, мигая синим цветом, заманивая к себе очередную жертву.

– Ладно, Эдик! Ты мне лучше скажи, что делать? Я ведь впервые в такой ситуации. Ты же понимаешь, что я не умею врать, а Надя мне это не простит. Это значит, что сейчас у меня вся жизнь перевернулась, а то и может, закончилась. – Белогорский налил в стакан минералки и нервно выпил его до дна.

– Что делать, что делать! – подхватил разговор Эдик. Он почувствовал в себе настоящего советника профессионала. Это означало для него, что его похождения не прошли даром. И вот его строгий шеф и напарник, который относился очень отрицательно к тому, чем занимался Персов, теперь сам попал в сети интриг и коварства.

– Да что тут делать! – сам себе начал отвечать Персов.

– Да всё нормально! Ты скажи, ты домой не звонил? Или

кто-то за тебя Наде или дочке ничего не говорил? Ну, если только ты мог сказать жене? – Белогорский посмотрел подозрительно на Эдика.

– Нее! – отрицательно протянул Персов. – Когда Надя мне звонила, я просто «алёкал» и все, дав понять ей, что я её не слышу и отключал телефон.

– А вообще, здесь ни чего сложного! – Персов хлопнул в ладоши. – Главное, чтобы Лиза твоя, ничего и нигде не ляпнула. А вообще, версия такая: короче, нас пригласили на разговор, наши конкуренты. Ну а там завязалось, то да сё! Ну короче, нас забрали менты. И поэтому телефон был выключен. – Эдик растянулся в идиотской улыбке, обнажив свои фиксы. Понимая, что это будет лучший спасительный план для Белогорского.

– А если она не поверит и спросит, в каком отделении мы были? – Белогорский немного нервничал, но такой план ему уже начинал нравиться.

– Да не парься ты! – Персов вошел в кураж. – У меня в Центральном РОВД всё схвачено. У меня там «кенты» и они, если, что, подтвердят. Ну, ты чо, мне не веришь, что ли? – Персов, как-то по босятски начал наезжать на Клима. – Я говорю, что все будет «тип-топ»! Главное, чтобы Лизка не подвела. А то я их знаю! – ухмыльнулся Персов и подошел к окну. – Ну, что встретил свою красавицу из того сна? – неожиданно спросил он.

– Нет, не встретил, моментально и без раздумий ответил

Клим. – Это была точно не она, но Лиза тоже невероятно хороша. – Белогорский прищурился и загадочно улыбнулся.

Невероятная духота тягучей паутиной облепила Белогорского. Он вышел из здания и вдохнув полной грудью этого липкого июльского воздуха, сразу раскашлялся. Постояв немного, достал телефон из кармана пиджака и не включая его вынул батарейку. Покрутив ее в руке, он посмотрел по сторонам и увидев у входа урну, бросил ее туда. Теперь он знал, что сказать жене. Взглянув на яркое солнце, Клим перекинул пиджак через плечо и бодро зашагал по тротуару, пересекая Площадь Победы. Белогорский был уверен, что сейчас будет скандал. Он даже представил, как встретит его жена. Еще час назад, он не знал, что же ему делать, а вот теперь, Клим чувствовал себя мужиком. Он шагал спокойно, но уверенно. Голова была забита роем разных мыслей. Они роились словно пчелы в улье, нависая одна на другую. Но, как бы они не переплетались, всегда на первый план выходила одна. Она всплывала перед его глазами, как яркая картинка, отшвыривая те другие. Ни страх перед женой, ни красивое тело Лизы, ни новые контракты по бизнесу и даже любимая дочь Мирочка не могли отодвинуть эту картинку на второй план. У него перед глазами, завораживая его, словно манекен в магазине, стояла она. Та единственная красавица из вчерашнего сна, с которой, вот уже вторые сутки он не мог расстаться ни на минуту. Иногда Белогорскому стано-

вилось страшно, и он как-то втягивал шею, оборачиваясь назад. Но вокруг суетился обычный народ, бежавший по своим делам, стараясь до большой жары управиться с ними.

– Ты где был? – словно гром прогремел по всему небу, разрезая своим страшным звуком уши Белогорского. Он не заметил, как запутался в своих мысленных миражах, и мышечная память привела его домой. Надя с Мирочкой не спали всю ночь. Они не находили себе места и уже не знали, что же им делать. Давно были вылиты все слёзы, выруганы все слова, и пересчитаны все варианты. Оставалось только принять какой-либо факт таким, какой он есть. И вот прозвучал долгожданный звонок в дверь, и Надя была уже готова к этому. Она незамедлительно открыла входную дверь.

Белогорский, хоть и незаметно проплыл по своим воображениям, но все же подготовился к такому приёму. И на поставленный вопрос жены, спокойно ответил:

– В полиции! – он спокойно посмотрел Наде в глаза и неловко ухмыльнулся, как будто в его отсутствие был виноват кто-то другой, а скорее всего те самые полицейские, которых не было.

– Как в полиции? – недоумённо переспросила Надя, опустив руки. Она только, что была готова разорвать его на части и вышвырнуть обратно в дверь. Но этот ответ пригвоздил ее к той самой двери, которую она хотела открыть с самого вечера.

– В обыкновенной полиции, Центрального района. – Клим спокойно поцеловал жену и прошел в прихожую. – Ну, что ты стоишь, закрывай дверь! – снимая туфли продолжил он. – У нас есть, что-нибудь покушать. А то, я чертовски устал, и очень хочу спать. – Он повесил пиджак на вешалку и спокойно прошел в комнату.

Надя, стояла еще какое-то мгновение ошарашенная услышанным. Так и не поняв, что произошло, она закрыла дверь и последовала за мужем. Теперь она хотела хоть как-то помочь ему. Женское сердце не выдерживало такой информации. Ей очень хотелось узнать, что же произошло. А более того, она была готова уже защищать своего родного и любимого Клима.

– Я сейчас! – Надя в один момент из злой ведьмы превратилась в добродушную хозяйку и любящую жену. – Я сейчас милый! Один момент! – Надя почувствовала, что с Климом произошло, что-то невероятное и поэтому быстро изменила тон. Она сейчас уже не хотела вставать на дыбы и начинать ожесточенную войну. Понимая, что от этого ничего хорошего не произойдет, она быстро проследовала на кухню. Нет, Надя, конечно же очень хотела разузнать, где Клим был всю ночь и почему не сообщил об этом по телефону. Она и в мыслях не держала того, что он когда-нибудь сможет ей изменить. Прожив столько лет вместе, она ни разу не замечала за ним ни чего подобного. Да и сама не давала никакого повода думать об этом. Но и он, никогда не оставлял

её на такое долгое время не сообщив, что с ним и где он. Они просто любили друг друга уже много лет. И эта любовь была бесконечная и ни разу не остывала. Вот и сейчас, Надя поспешила на кухню, чтобы покормить уставшего Клим. Взглянув ему в глаза, она почувствовала, что он очень устал и наверняка был голоден. А она, просидела всю ночь вместе с Мирочкой, так и ничего не приготовив. Не сказав ему об этом, Надя быстро спохватилась и на скорую руку, пока он принимал ванную, приготовила хороший завтрак.

– Ну, ты где? – Надя позвала Клим на распев. – Климуська иди, завтрак уже на столе! – быстро бросив контрольный взгляд на стол, Надя вытерла руки о полотенце и повесила его на дверцу кухонного шкафа. Чайник уже закипал издавая клопочущие звуки, давая знать, что через мгновение сработает автоматическое отключение. Надя по привычке выглянула в окно и не дождавсь мужа, прошла в комнату.

Клим, отдавший все силы ночной спутнице, после бурной ночи, убедившись, что дома всё в порядке, прошел в комнату и не раздеваясь упал на диван.

– Надо же! – почти шепотом произнесла Надя. – Умаялся беденький. Это ж надо, всю ночь просидеть в полиции! – Надежда взяла плед и аккуратно укрыв мужа, присела к нему на край дивана. – Ну и слава богу, что все хорошо! – даже не понимая, что произошло с мужем, Надя тихонько гладила рукой его голову. Да ей сейчас не было никакого дела, что было несколько часов назад. Для неё главным было сей-

час, что её милый, любимый и ненаглядный, хоть и очень уставший, но за то целый, здоровый и невредимый, спит богатырским сном вот здесь дома, рядом с ней на диване. Надя успокоительно вздохнула полной грудью и еще несколько раз провела рукой по его волосам, поправив плед, встала и зашла в другую комнату. На кровати с наушниками на голове, сладко спала Мирочка. Она тихонько подошла и аккуратно, чтобы не разбудить дочь, сняла с нее наушники и прилегла с ней рядом. Успокоившись от вчерашних переживаний, она подумала, что, как хорошо, что всё в порядке и ещё раз вздохнув, закрыла глаза.

Целых два дня, после того, как она проводила Клима Павловича, Лиза не выходила из дома. Она выключила телефон и просто спала. Её ничего не волновало. Она, как будто рождалась заново. Всё что было до прошлой ночи, когда она была так близка со своим шефом, ушло куда то прочь. Лиза тупо проспала двое суток потому, что она действительно не могла проснуться. Ей снились невероятные красочные сны, которых до этого времени она никогда не видела. Она видела себя в каких-то доисторических временах и в чужой стране. Да и, в общем-то, это была даже не страна, а какой-то олимп, где собирались все боги. И она видела себя со стороны, очень красивой девушкой, которая была похожа на самую любовь. Ей было хорошо и легко. Она даже летала над землёй и видела очень многое, ей всегда преподносили очень

много дорогих подарков и преклоняли головы. Она видела своего очень гневного отца, который своей силой мог разрушить всё вокруг, метая свои яркие молнии и в тоже время он очень любил её и позволял многое. Она так же видела свою любимую и добрую маму, которая нежно ухаживала за ней и за её сестрой, с которой они дружили, но потом появился этот красивый юноша и они очень сильно из-за него поссорились. А потом случилось, что-то страшное. Вдруг налетели чёрные тучи и всё началось рушиться. Было очень страшно, когда всё потемнело, и она почувствовала, что уже спастись не удастся. Она громко кричала:

– Оте-ец! – и тянула к нему свои хрупкие девичьи руки, но сама проваливалась куда-то в подземное царство, где всё кипело в раскалённой лаве.

Лиза проснулась от своего громкого крика. Ничего не понимая, она закрыла ладонями лицо и почувствовала, что все лицо, да и она сама, покрылась потом. Хоть окно и было открыто настежь, в комнате было очень жарко и душно. К полудню солнце уже поднялось высоко и своими жаркими лучами безжалостно жгло её красивое и нежное лицо. Лиза ничего не понимая металась по широкой кровати, пытаюсь до конца освободиться и проснуться от страшных видений долгого и ужасного сна. Кто-то долго и нудно трезвонил в дверь. Голова была очень тяжелая и Лиза никак не могла оторвать её от подушки. Она не могла себя узнать, как будто силы её покинули вместе с разумом и вот сейчас она

проснулась другим человеком, как будто переродилась. Андрейченко с трудом нашла в себе остаток сил, встала и пошла к входной двери.

– Кто там? – сухим голосом спросила она и, не дожидаясь ответа, открыла дверь. – О, господи, ты что? – вдруг услышала она голос соседки. – Лиза, что с тобой? – соседка Ольга Викторовна не удержалась, увидев Лизу в negligé. Она сразу сориентировалась и зашла в квартиру, быстро закрыв за собой дверь.

Ольга Викторовна, была женщина не из робкого десятка. Она за свои пятьдесят с хвостиком, много чего в жизни повидала. После того, как её бросил любимый муж с тремя детьми на руках и без дохода, она долго искала работу, и даже побиралась, чтобы, хоть что-то принести домой. Но со временем у нее всё получилось и ей удалось поставить на ноги своих поскрёбышей. А теперь она работала недалеко от дома в маленьком продуктовом ночнике и там насмотрелась многого.

Увидев Лизу совершенно голой, Ольга Викторовна очень испугалась. Она слышала, что за стенкой кто-то сильно кричит. И так, как пришла утром со смены и после бурных выходных, решила отдохнуть. Но громкие крики за стенкой не дали ей заснуть, и она решила немного поругаться. Но увидев Лизу, она сама напугалась.

– С тобой Лизонька всё в порядке? – Ольга Викторовна начала ощупывать её.

Лиза стояла перед Ольгой Викторовной совершенно го-

лая и ничего не понимала. Как будто разум её находился не в этом теле, а где-то очень далеко. Со стороны, она была похожа на биологическую куклу.

– А что со мной? Со мной все в порядке, а вы кто? – она автоматом ответила соседке.

– Не поняла? – Ольга Викторовна совсем не ожидала такого поворота событий.

– Ты чего накурилась то, а? – Она совсем по-хозяйски, убрала руки в бока и сделала грозный вид, как будто к ней в ночник забрёл очередной алкаш.

Лиза еще никак не могла прийти в себя из-за того страшного сна ей казалось, что перед ней стоит какой-то страшный демон и размахивает своими крыльями. Не дожидаясь ответа, она рванула на кухню и схватила сковороду.

– Пошла вон отсюда старая ведьма! – Лиза бросилась со сковородкой на соседку. Видя такой поворот, Ольга Викторовна быстро перехватила у Лизы сковородку и, завернув ей руку за спину, толкнула её в комнату. Лиза с грохотом упала на диван и только сейчас пришла в себя. Испугавшись, она попыталась закрыть и спрятать свое голое тело перед строгой соседкой. Убедившись, что в квартире никого нет, Ольга Викторовна сняла с двери какой-то халат и бросила Лизе.

– На вот оденься! Ишь, чего удумала, пока родителей нет. – она на всякий случай не выпускала тяжелую сковороду из рук. – Значит, пока мать с отцом дома, так и девка пайнь-

ка. А как кот за дверь, так и мыши в пляс? А ну говори, чем ты здесь занимаешься? – Ольга подошла к Лизе и держа перед ней сковородку, посмотрела пристально в глаза. За много лет работы в магазине, она как доктор научилась определять алкашей и наркоманов по расширенным зрачкам и еще по многим другим особенностям. А тут, взглянув ей в глаза, она ни чего подозрительного не обнаружила и даже сама немного опешила. – Так, что с тобой девонька случилось? Чего ты орёшь как резанная? И кидаешься на всех как пантера? Ты часом ничего не откушала? – показывая щелчком по горлу, строго спросила Ольга.

– Нет, что вы Ольга Викторовна? – Лиза, наконец-то, окончательно пришла в себя. – Я ни чего такого не пила и не курила. Я просто крепко спала, и мне приснился очень страшный сон. А тут Вы и я еще видимо не проснулась. А за мной там во сне гнались какие-то черти. – Лиза не выдержала и пустила слезу, сжавшись на диване в маленький комочек. Она действительно напугалась. А еще больше она напугалась того, что Ольга Викторовна, скорее всего, видела или слышала, как Лиза приводила домой своего шефа. И поэтому ей хотелось, чтобы в любом случае она не рассказывала родителям.

Только сейчас, она полностью пришла в себя и почувствовала небольшой стыд и виноватость. Но этот стыд, как-то разжигал в ней большой огонь новой женской любви, которая разгоралась в ней огромным пламенем, и Лиза уже тут же

переставала бояться соседку, да и вообще всего. Ей становилось все-равно и мысли о Белогорском начинали наполнять всю ее свободную память.

– Вы простите меня Ольга Викторовна, я правда спала и видела какой-то кошмар. Спасибо Вам, что разбудили меня. – Лиза взглянула на часы и ахнула. – Да, я же опоздала на работу! – Лиза сбросила с себя халат и, не смотря на стоящую рядом соседку с тяжелой сковородой в руке, бросилась в ванную комнату. Теперь её мысли летели вперед неё пущенной стрелой. Лиза даже и не заметила, как ушла Ольга Викторовна и как она собралась и побежала на работу. Ей очень хотелось снова увидеть Клима, которому она совсем недавно отдала себя всю полностью и без остатка.

Летнее жаркое солнце буквально простреливало своими ослепительными лучами кроны вековых деревьев, метко укладывая горячие пятаки на асфальт старого тротуара. Исполняя свой долг, как солдаты вермахта, столетние дубы и каштаны еще пытались защитить всех, кто не мог выдерживать такого палящего солнца своими многочисленными листьями, бросая густую тень на край улицы. Да, они отдавали последние силы, чтобы закрыть свои старые стволы от этих жестоких лучей, собирая из земли и отдавая драгоценную влагу своим листьям, которые уже не выдерживали и начинали, ещё зеленые, скручиваться в трубочки. Как будто в последний раз, они хотели к осени отдать свои плоды для

потомства, выживая в этой невероятной борьбе с природой и несвойственным в этих краях, таким погодным условиям. Спешащие прохожие торопливо переходили проезжую часть на теневую сторону, чтобы хоть как-то спрятаться от невероятного солнцепёка. Даже многовековые здания старого Кёнигсберга со своими уключинами и кованными знаками, навсегда вросшимися в древний кирпич, которые видывали много разного ужаса, ещё со времен рыцарей тевтонского ордена, негодуя, поскрипывали своей кровлей, переминаясь с ноги на ногу, пытаясь вырваться из каменного фундамента и спрятаться в тени этих прохладных листьев. Только искорёженная временем и миллионами разных колёс и танковых гусениц, гранитная, уложенная ровными булыжниками, тысячами человеческих рук, брусчатка, громко хлопала по шинам современных автомобилей, создавая бесконечную барабанную дробь, эхом уносившую куда-то в далёкое прошлое, тем самым напоминая каждому о своём историческом прошлом. Город стоял насмерть перед аномалией природы, как бывало когда-то, когда он неоднократно испытывал на своей шкуре разные передряги великих войн. Но эта была совершенно другая война, которая была не предусмотрена для его жителей, да и для него самого. Синоптики уже несколько дней передавали штормовое предупреждение, но до Калининграда даже тихий бриз никак не мог добраться. Жители давно свыклись с тем, что синоптики ошибаются один раз, но каждый день. Поэтому, выходя из дома, все по привыч-

ке одевали легкие белые одежды, чтобы хоть как-то спастись от жары.

Лиза торопливо шагала в сторону офиса, прокручивая в голове разные варианты встречи с Белогорским. Она никак не могла представить, как вот сейчас её встретит Клим и что из этого последует. Но она очень хотела, чтобы он отнесся к ней по серьёзному, пусть даже он будет ругать её по работе, но чтобы они были вместе. Обременённая своими мыслями она не заметила, как вдруг сорвался сумасшедший ветер и повалил перед ней сразу два огромных дерева. Ветер выворотил деревья с корнями, и они с шумным треском обрушились всей своей массой поперёк проезжей части, разбросав по брусчатке огромные ветви, которые после удара разлетелись на многие щепки и палки. Все произошло так быстро, как будто кто-то специально выворотил их и небрежно бросил между проезжавших машин не задев ни одну. Прохожие не успели еще испугаться, как из-за домов налетела огромная чёрная туча и на них полился проливной дождь, который подгоняли большие градины размером более голубинового яйца. Жестокий лёд безжалостно хлестал прохожих, загоняя их в подъезды домов. Остановившиеся машины приняли на себя всю мощь небесного обстрела. Ледяные пули невиданным натиском пытались продырявить полированное железо дорогих машин, ударяя автоматными очередями по кошелькам их владельцев. Через пару мгновений, всё вокруг было покрыто прозрачным серебром. Только

грязные ручьи, громко чавкая, уносили куда-то в глубокие клокочущие ливнёвки кучи зеленых листьев и оборванных веток, павших в неравном бою с рассердившейся природой. Через несколько минут всё было кончено. Налетевшая туча напоследок громыхнула сотысячным артиллерийским залпом, разнеся ужасный рокот по всему потемневшему небу и так же внезапно унеслась, и скрылась за крышами мокрых домов, напоследок бросив на город еще одну огромную массу воды.

Лиза не успев опомниться и прийти в себя от страха и ужаса, помчалась со всех ног прямо на работу. Преодолев за несколько минут небольшие отрезки двух улиц, она торопливо забежала в уходящий лифт. Только сейчас, когда двери лифта закрылись, и она увидела себя в отражении зеркал, с ужасом закрыла лицо руками.

– Лиза! – она услышала знакомый голос. Убрав ладони она увидела перед собой Белогорского. Спустившись на первый этаж здания, он долго вел беседу с клиентами по работе и зайдя в лифт увидел, как какая-то девушка стремительно ворвалась в закрывающиеся двери.

– Что с тобой случилось? – Белогорский не ожидал такой встречи. Он, конечно же, всё это время думал о ней. Но старался спрятать все свои думки куда-то подальше. И уже был готов к встрече с Лизой в офисе и не ломая ей и себе жизнь по-человечески обсудить прошлую встречу. Прошлый раз, он так этого и не сделал. Ему было очень стыдно и не удоб-

но. Но вот теперь пережив некоторое время, он всё же решил, что им не следует больше встречаться. Да и вообще, после таких событий, Белогорский понимал, что такой работы уже не будет. Теперь надо будет каждый раз в чем-то уступать или оправдываться, а то и еще больше, чего-нибудь другое, чего ему ни как нельзя. Теперь он хорошо понимал, что начинает как-то зависеть от этого напряжения. А потому и, мысли роятся в голове и сосредоточиться по рабочим вопросам уже не получается.

– Клим? – Лиза подняла глаза и не поверила им. – А-а, Вы, что тут делаете? – она так и не смогла назвать его на ты. Опустив руки, она стояла, как русалка, промокшая до нитки. Белая тонкая блузка, одетая на голое тело, практически была не видима. Упругая девичья грудь под мокрой прозрачной блузкой покрылась пупырышками и невероятно притягивала к себе своей сексуальностью. Легкие белые брюки, так же не скрывали и не прятали ни каких тайн. Сильный дождь сделал своё дело. И вот теперь она практически голая стояла перед ним. Конечно же, Лиза много раз прокручивала в своей голове разные варианты их встречи. Но чтобы вот так!.. Это ей и в самом страшном сне никогда бы не приснилось.

Лиза жалобно смотрела на Белогорского огромными красивыми глазами. Её длинные перепутанные от дождя и ветра тёмные волосы, прядью ложились на бархатное лицо, по которому медленно стекали капельки от минувшего дождя. И не возможно было понять, что это были капли дождя или

те самые слёзы бессилия, или беспомощности. Клим не стал долго ждать и выяснять, что случилось. Он быстро снял рубашку и надел её на Лизу. Лифт остановился и после звукового сигнала, дверь открылась на четвёртом этаже. Не обращая внимания на ожидающих у лифта, Белогорский обнял Лизу и быстро повёл к себе в кабинет.

Спешно закрыв за собой дверь на ключ, Белогорский посадил Лизу на кожаный диван. Достав из шкафа большое полотенце он подошел к ней:

– Ты вся промокла. – Клим неуверенно протянул ей полотенце. Лиза смотрела на него, как маленький ребёнок, который недавно потерял маму. Он хотел сегодня поговорить с ней и поставить точку в их еще не начавшихся отношениях. Но вот сейчас она смотрела на него так жалобно и беспомощно, что Белогорский не мог удержаться. Он быстро взял полотенце и сам начал ей вытирать лицо и волосы. Лиза затряслась невероятной дрожью, как будто она заболела лихорадкой. Клим пытался её успокоить, но всё никак не мог подобрать нужных слов. Она продолжала смотреть на него широко раскрытыми глазами. Клим не смог удержаться. Он бросил на диван полотенце, и обняв её, начал жадно целовать. Лиза не сопротивлялась этому. Она ждала его всем телом. Дрожь, усиливалась. Она, преодолевая себя и свой страх, начала, помогать ему, снимать с себя мокрую одежду. Через мгновение они слились в единое целое на том самом диване, где всего пару дней назад, Белогорский застал Персова

с какой-то женщиной лёгкого поведения. Но это уже его совершенно не волновало. Сейчас он провалился в нечто невероятное, тёплое и хорошее. Ему было чертовски приятно чувствовать её дыхание и держать это удивительное нежное, упругое и очень красивое тело. Она была как богиня любви. Лиза отдавала всю себя без остатка. Нет, она не старалась. Она не понимала, что происходит. И ей тоже было очень приятно, когда Клим целовал её и прикасался ко всему телу. Она закрывала глаза и тихо поскуливала от счастья, как маленький щенок.

Бархатный сезон балтийского побережья затянулся до середины октября. Невероятно, но местные жители давно не помнили на своей памяти такого долгого и теплого лета, да и почти всей осени. Обычная погода старой Пруссии была дождливой и сырой. Жаркие денёчки были почти редкостью и местное население по привычке носило с собой зонтики, так как, погода менялась внезапно и на день приходилось видеть, как она менялась несколько раз подряд. Но в этот год, всё изменилось, как будто, кто-то специально подарил для Калининградцев и гостей Балтийского региона, невероятно тёплое лето, давая понять, что мировой климат меняется и теперь такое райское наслаждение здесь будет всегда. Люди начали поговаривать, что в Балтике появились большие киты и страшные акулы. Но всё равно, хоть лето и было очень жарким, тоска по обычной мрачной пого-

де быстро расплывалась по горячим головам калининградцев. То и дело были слышны частые разговоры о том, что эта жара уже достала, и все молили о прохладном дожде. На балтийское побережье впервые за много лет пришла настоящая засуха. До того, как Кёнигсберг стал Калининградом, тогда в Восточной Пруссии, ещё немцами, была отработана хорошая мелиоративная сеть. Везде и повсюду были проложены и прокопаны водопроводы и различные каналы для орошения и осушения болотистых и торфяных земель. А так же для судоходства и ещё много для чего, в том числе для стратегических надобностей. Но с приходом Советского строя, после переселения сюда разных народов, всё начало приходить в упадок и многие каналы, водопроводы и обыкновенные колодца перестали чистить. Все начало зарастать кустарниками и деревьями, а то и просто засыпалось ненужным мусором. От этого потерялась общая связь всего бытового и сельскохозяйственного гидро-комплекса. А уж после перестройки, на это внимания вообще мало кто обращал. Одни стремились быстро разбогатеть, другие еле-еле сводили концы с концами. В основном никому не было никакого дела до этих сооружений. И вот в момент такого жаркого периода, в Калининградскую область пришел настоящий засушливый кризис. На полях случился неурожай. В деревенских колодцах ушла вода, которая всегда была под самую крышку. Реки обмелели так, что даже остановилось судоходство. Лишь только для молодёжи и для ресторанного

бизнеса было райское наслаждение. Курортные города Светлогорск и Зеленоградск, были самыми желанными населенными пунктами для отдыхающих. Переполненные электрички, длинной змеёй, каждый день надрывно тянулись к Балтийскому побережью, перевозя в себе тысячи радостных отдыхающих туда, где их ждали кафе и рестораны, пикники и гостиницы, тёплое море и приятный отдых. Местные дороги не выдерживали огромного количества легковых машин, которые своими колесами жадно врезались в раскалённый асфальт и, простаивая в долгих пробках бесконечной очереди, выдавливали заметную колею. Из узких калининградских улиц большого города, транспортный коллапс переместился на пару месяцев ближе к побережью балтийского моря. Невероятное жаркое лето постепенно сменила затяжная тёплая и сухая осень. Только к концу ноября деревья начали медленно одевать на себя золотые одежды и как-то в раз Калининградская область, как рыжая лиса, одела на себя пушистую сказочную золотистую шубу из красивых листьев шикарных деревьев и кустарников. Как будто они знали, что им предстоит пережить холодную и суровую зиму. Обычно зима в Калининграде выдавалась тёплая и дождливая. Часто холодное море капризничало и сильные балтийские ветра, обрушивались на материк проливными дождями. Но в этот раз было совсем не так, и красота торжественного золота, продержалась почти до самого нового года, пока деревья не уснули от внезапных морозов, которые, этой

зимой заставили, даже самых отъявленных модников надеть головные уборы, чтобы не заморозить свои уши и всё прочее. Почти два месяца морозы держались ниже десяти градусов и незамерзающее море, от таких холодов, укрылось толстой коркой белого льда, который уходил от самого берега, далеко за горизонт. Но народ с удовольствием приезжал на побережье просто посмотреть, как это красиво, когда море замёрзло до самого горизонта. Быстро поползли разные слухи о грядущем ледниковом периоде. Но, как бы то ни было, красавица весна взяла всё в свои руки. И уже вскоре налетели тёплые ветра и спокойное море превратилось в страшную пучину. Оно быстро сбросило с себя ледяное одеяло и показало всю свою прелесть настоящей силы. Почти два месяца сильный ветер будоражил морскую толщу воды, поднимая с самого дна залежавшийся песок, перемешивая его с верхними холодными слоями, успевшими остыть за долгие зимние месяцы. Море грозно бушевало, слизывая своими огромными волнами белый сказочный песок в своё чрево. Казалось, что сам Посейдон показал всю свою ненависть и силу, выбрасывая многометровые серые волны на янтарное побережье. Но сколько бы он не пытался поменять силу природы, всё равно, сильное весеннее солнце, растопило весь лёд, и сам Зевс улыбнулся новому бытию и дал старт новой жизни. Весеннее солнце было сочным, ярким и очень тёплым. Оно ласково коснулось всего живого. Тёплый и лёгкий ветерок принёс радость и хорошее настроение, рассыпав

божественное семя истины, тем самым зарождая самую настоящую любовь.

После страстных и сладких минут, проведённых со своей секретаршей, Белогорский так и не смог сказать ей нет. Каждый раз, расставаясь с ней после очередной любовной встречи, Клим думал, что это было в последний раз. А завтра он ей всё скажет, и они расстанутся просто друзьями. Но Лиза всякий раз, когда они встречались, была на столько ласковой и нежной и так преданно смотрела ему в глаза, что Белогорский, просто не находил в себе такие силы, чтобы сказать ей об этом. Да ему самому это очень нравилось и его даже тянуло к ней всё больше и больше. Он стал чаще задерживаться на работе, не потому, что работы стало больше, а потому, что их интимные интриги переросли во встречи каждого дня. Нет, Лиза не просила Белогорского, водить её по ресторанам или ночным клубам. Ей было достаточно того, что они после работы уединялись в кабинете на том самом кожаном диване, и чтобы никто не заподозрил эти любовные отношения, они быстро разъезжались по домам в разные стороны. Но когда они оставались наедине, тогда у них сносило голову и, закрыв двери, как молодожены в первую брачную ночь, быстро предавались любовным утехам. Клим совершенно не задумывался о какой-то любви. У него была одна и неповторимая любовь, которую он действительно любил больше жизни. Белогорский твердо знал, что свою жену, он

никогда не променяет ни на кого, даже на самую красивую в мире из женщин. Он считал её единым целым, куда входил он, она и дочка Мирочка. Свою Надю, он вспоминал даже тогда, когда с Лизой занимался сексом. И это его еще больше возбуждало. А когда оставался наедине со своей женой, то почему-то вспоминал Лизу.

Надя верила Белогорскому на слово, что он действительно очень устает на работе и, как могла, создавала уют в доме. Но Клим так часто стал задерживаться на работе, что Надя начала задумываться об этом и даже несколько раз спрашивала его, не появилась ли у него какая-нибудь молодая пассия. Но Клим на эти вопросы всегда отвечал раздраженно и переходил от защиты в нападение, ссылаясь на большую загруженность и новые контракты. Он говорил, что осталось совсем немного и скоро они уже купят новую квартиру. И он, конечно же, старался и стремился к этому, но всё же, одна единственная мысль надолго поселилась в его голове и как крыса точила его сознание. Где бы он ни был, что бы он не делал, Белогорский всегда вспоминал один и тот же сон. Он вспоминал ту, невероятно красивую блондинку с голубыми глазами, которая теперь уже часто приходила к нему во сне. Иногда ему казалось, что он живёт какими-то параллельными жизнями. Хотя дела его и шли в гору, но он всё равно продолжал искать ту самую незнакомку из прошлого сна, когда этот сон перевернул его сознание и теперь он никак не мог найти себе покой. Белогорский жадно всматривался в лица

прохожих, которых он видел в магазинах, на дороге, в кафе и даже в телевизоре. Он верил, что она совершенно реальный человек. И ему нужно только немного времени, чтобы отыскать её. Жизнь стремительно мчалась вперёд не останавливаясь ни на секунду. Она все больше и больше закруживала и увлекала за собой в сложные виражи невероятной спирали летящих в неизвестность тех, кто так или иначе считал себя самым – самым, сильным и не покорным, ни таким как все, имеющим огромное внутреннее эго, и думающим, что эта дивная жизнь предназначена только для него. А остальные жители планеты, существуют только для обслуживания тех, кто по-настоящему чувствовал себя избранным. Но это было далеко не так. Никто, по-настоящему, не знал, как же всё-таки устроена эта самая настоящая жизнь, и где её начало и где конец. И что лежит в самом главном начале и в чём её смысл на исходе. Бегущие за солнцем, то и дело натывались на невидимые препятствия и попадали в невероятные ловушки природы, а то и самих людей, которые всюду расставляли свои сети, чтобы поймать счастье и примерить его на себя. Люди плели интриги и надевали на свои лица красивые и милые маски, которые прикрывали ложь и ненависть, злобу и желание быть первым на олимпе славы и богатства. Ловцы и охотники рая попадали в сладкий плен к самим себе, не имея в этом никакого понимания. Лишь, сладкое заблуждение, пленило человеческий разум теми желанными игрушками, созданные ими же самими, на которые так есте-

ственно реагировали их внутренние рецепторы, подавая требовательные сигналы в глубину мозга, давая ему знать, что до главного счастья остаётся всего один шаг.

– Алё!! – Аида нервно ответила на звонящий телефон. Она уже больше часа сидела на скамейке на площади и не обращая ни на кого никакого внимания, просто пила пиво из бутылки, завернутой в бумажный пакет. С тех пор, как она почувствовала, что тот самый человек находится где-то рядом, она стала часто выходить на прогулку и даже выработала свою тактику, чтобы его встретить. Она подумала, что может с ним встретиться только где-то в самом центре города. Или на площади или в кафе. А сейчас, когда пришла настоящая весна и температура на улице была уже совсем летняя, она никак не могла сидеть дома. Она знала, что обязательно должна его встретить. Но вот бабушка всё время её доставала своими дурацкими вопросами. Хотя, Идочка понимала её, что, с тех пор, как мама и отчим ушли в море, она осталась её попечителем. Конечно же, Идочка любила свою бабушку, но иногда она так её доставала, что доходило до рукоприкладства и синяков. А когда совсем было невмочь, то Аида собиралась, делала боевой раскрас уличной девки и уходила на целый день, а то и до утра. Нет, она не была гулящей, но ей просто не хотелось возвращаться домой, и в то же время она искала его, о котором думала все время. Думала о том единственном, как она считала, ради чего она

появилась на этот свет.

– Ал-ле! Ну что ты хочешь от меня? – Аида поставила бутылку на скамейку и закурила сигарету. Она знала все уловки своей бабушки и поэтому дала ей высказать то, что она задумала. Уже вторые сутки Идочка не хотела идти домой, а Афанасьевна не могла найти себе место. Тем более недавно позвонила Ольга и сказала, что на днях они с мужем вернутся домой. А это значило, что теперь целые полгода дома будет постоянная пьянка, пока не закончится отпуск или пока не закончатся деньги. Но, как правило, деньги заканчивались вперёд, а потом сама Афанасьевна кормила всю семью ещё целый месяц и на свои же, собирала их снова в море. Так продолжалось уже несколько лет. А ей очень хотелось, чтобы всё было совершенно по-другому. Ей хотелось на старости лет, простого человеческого счастья, пусть даже не женского. Ей хотелось тишины и уважения. Ей хотелось, чтобы её любили, как мать и как бабушку. Только тогда бы она обрела покой и забвение. Но всякий раз, когда она хотела добиться именно этого, она начинала вставлять свои «пять копеек» в чужую жизнь и, как правило, своими упрёками и нравоучениями, всё портила и, их отношения летели в тартарары. А потом, когда она оставалась одна, Афанасьевна начинала себя ругать и от этого псих её переходил в ненависть. Она царапала себе руки и кусала губы. Она ненавидела себя и даже иногда хотела уйти из жизни. Но всё же её, что-то останавливало и она, успокоившись, дрожащими руками

брала телефон и, притворяясь очень больной, но доброй бабушкой и звонила Идочке и начинала плакать, просить прощения и обещать ей всё, что она захочет. А Идочка знала это и пользовалась бабушкиной слабостью и добротой. И игра между бабушкой и внучкой продолжалась, выходя на новые витки коварных интриг и стёбов друг над другом, переходящими в настоящую борьбу над властью в своём мире, где бабушка, очевидно, начинала терять лидерство перед молодой волчицей.

– Алё, Идочка! Это я, бабушка. Не выключай, пожалуйста, телефон. Послушай, меня! – Афанасьевна, начала дрожащим голосом, с подступившим к горлу, плачущим и скребущим комом, жалобно подкрадываться к внучке, чтобы она, не дай бог, отключила телефон. Ей нужно было, только одно, зацепиться за уши внучки, а там она твердо знала, что найдёт способ уговорить её вернуться домой. А уж тогда, она снова постепенно возьмёт над ней верх.

– Я тебе сказала мне не звонить! – твердо отрезала Аида.

– Что ты, что-ты, Аидочка. Я ведь по делу тебе звоню. – Афанасьевна почувствовала маленькую зацепку для разговора. Она хорошо знала внучку и её слабые места. – Послушай! Я вызывала скорую... – Афанасьевна тяжело вздохнула.

– И чо? – нервно отреагировала Идочка.

– Ну, ты же знаешь, что у меня давление. А после нашей ссоры, оно повысилось до двухсот двадцати. И вот мне врач

сделал укол и сказал, что нужно ещё сделать один через два часа. А мне ведь не кому. Ты, уж пожалуйста меня прости. Мне очень плохо. Не знаю, сколько мне еще осталось. Ты бы уж пришла, да уколола меня. А потом бы шла по своим делам. Ну, уж очень мне плохо Идочка! – Афанасьевна, провела разведку боем. Прижав поближе к уху телефон, внимательно прислушалась, чтобы понять настроение внучки, и где она находится. Сквозь своё же тяжелое дыхание, она услышала в трубке телефона шум улицы и проезжающих машин.

– Значит не в подвале и не на квартире! – быстро промелькнула мысль у Афанасьевны. – Значит, где-то на улице шатается! – сама себя начала успокаивать она. И не дожидаясь ответа, Афанасьевна заскрипела в трубку старческим больным голосом, – Ой, Идочка! Ой, чего-то, мне не хорошо! Приехала бы, а?

– Я тебе сказала, отстань от меня, старая ведьма! – Аида встала со скамейки и очень напряглась, но телефон не отключила. Она была очень злая на бабушку, но хорошо знала, что без неё, она еще одна не справится. Что-то в ней еще не совсем созрело, и она пока еще не готова вот так, сейчас и сразу остаться одна. Выпалив весь матерный словарный запас в трубку, она сделала глубокую затяжку сигаретного дыма. Идочка очень нервничала и не хотела разговаривать с бабушкой, которая в это время, что-то кряхтела по-стариковски в трубку, но она её уже не слушала, когда вдруг со сто-

роны услышала в свою сторону незнакомый голос:

– Девушка! Вы чего так ругаетесь матом. Да ещё в самом центре города, напротив Мэрии?

Аида, невольно подняла глаза и увидела, что перед ней стоят два симпатичных молодых человека. Она просканировала их взглядом и не обнаружив никакого знакомства, бросила несколько бранных слов:

– А, вам какого хрена нужно? Идёте, вот и идите себе на здоровье! – она еще хотела что-то сказать, но вдруг увидела проходящий мимо полицейский патруль, вдруг осеклась и вновь начала разговаривать по телефону с бабушкой, но уже спокойным ласковым голосом, прилежной и любящей внучки. – Ой, ну хорошо, бабушка. Сейчас я приду и все сделаю. Ты только не переживай и всё будет хорошо! – она проводила взглядом проходящий наряд полиции и отключив телефон, бросила его в сумочку. – Ну, а вам чего? – она с яростью взглянула на стоявших рядом симпатичных молодых ребят.

– Да так, ничего! – покручивая в руке свой мобильник, пафосно ответил один. – Ты чего так ругаешься? Посмотри по сторонам, весь народ на тебя внимание обращает. Вон оборачиваются все, – парень, улыбнувшись, кивнул в сторону головой. И не дожидаясь ответа, добавил, – Чо, проблемы какие-то? Ты скажи если чо!

– Ой, не смешите мои старые тапочки! – Идочка звонко рассмеялась, показав свои красивые зубки. – Мальчи-

ки! – не переставая громко смеяться, добавила она. – Идите в школу и там решайте задачки на вычисление. Из пункта «А» в пункт «Б», вышли два дебила. Вопрос: «Когда они встретятся?» – Идочка засмеялась еще громче и, не задумываясь, повесила на руку розовую сумку, взяла стоящую на скамейке бутылку, сделав глоток из её содержимого, демонстративно затушила сигаретой и, выпустив густую струю белого дыма, пошла в сторону дома, звонко цокая высокими шпильками по тротуарной плитке. – Пока мальчики, звонок уже прозвенел!

Ребята, не ожидали такого расклада. Да, они, увидев красивую девушку, решили познакомиться, но, чтобы вот так, их еще никто и никогда не кидал.

Не выдержав такого натиска в свою сторону, тот, что крутил телефон в руках быстро сообразил, что их оставили в дураках. Но такого позорного футбола он никак не мог себе позволить.

– Э-э! Я не понял. Ты чо такая дерзкая, а? – надеясь на реванш, вдогонку крикнул парень Аиде.

Продолжая твердо шагать и не оборачиваясь, Аида подняла над головой правую руку с вытянутым средним пальцем, давая понять им, чтобы они шли в самое заднее место.

– Я не понял! – возмутился парень с телефоном. – Она чо, совсем съехала? Давай догоним её. Ща, мы с ней разберёмся. Во лярва! – он обратился к своему другу, стоявшему рядом с открытым ртом, так и не поняв до конца, что здесь про-

изошло. Но силой воли своего друга и не понятно ещё какому-то мужскому достоинству и несогласию такому раскладу, быстро бросился вдогонку, вслед за своим товарищем.

Идочка чувствовала всеми своими клеточками спины, что именно вот эти мальчики в спортивных костюмах, так просто её не оставят. Они просто не смогут позволить себе, чтобы их так просто кинула какая-то девчонка. Она не просто чувствовала это, она знала, что эти мальчики уже у неё на крючке. И теперь она будет делать с ними всё, что захочет. Как говорится, рыбка клюнула, рыбалка удалась! А остальное, дело техники, с которой у неё давно уже было всё в полном порядке. Идочка сидя на скамейке в самом центре города, старалась поймать большую, но глупую рыбу. И ей это удалось.

– Ну, что мустанги? – Идочка резко остановилась и обернулась, в тот момент, когда один из ребят уже хотел схватить её за руку. – А, вы молодцы, хорошая физическая подготовка! – не давая опомниться, поправив свои изумительные белые волосы, продолжала она. – Аида! – показав свою красивую улыбку, представилась она.

Ребята, не ожидали такого поворота, застыли на месте, как вкопанные.

– Ну, что же вы мальчики, немые, что-ли? – она звонко рассмеялась, придав своему смеху, легкость, незащищенность и сексуальность плохой девочки.

– Антон! – неуверенно для себя произнес тот, что выгля-

дел по старше и по больше в размерах. Он действительно не привык к такому раскладу событий. Да и девчонки всегда подходили к нему первыми для знакомства, а друг Сашка, был для, так называемого прикрытия, а так, один, Антон не очень-то и мог, чтобы вот так, запросто, познакомиться с красивой девчонкой на улице.

– Тоха! – он поборол в себе неожиданность такого поворота и произнес своё имя более уверенно. – А это Сашок! Это мой друг. Он кстати кандидат в мастера спорта по «Киг-Боксингу», – понимая, что девушка уже у него в руках, Тоха заржал как конь.

– Очень приятно! – Аида, даже присела, как гимназистка и протянула Антону свою руку. – А ты, значит, мастер спорта по легкой атлетике? – шутливо, отреагировала она.

– Гы-гы! – снова заржал Тоха. – Да, так. Бегаем маненько! – чувствуя своё превосходство, Тоха перешёл на дворовый сленг.

– Ну, ну. Оно и видно, что настоящие спортсмены. Девушку на шпильках догнали в два прыжка, – она снова показала стеснение и вид, слабенькой, но очень кокетливой девушки. Не давая ребятам опомниться, она быстренько взяла ситуацию в свои руки, понимая, что поймала достойную рыбку, которая ей очень пригодится. – Мальчики! Слушаем сюда, – она приятно улыбнулась и подняла указательный палец. – Я знаю, что вы от меня хотите. Давайте поступим следующим образом. Дело в том, что у меня очень больная бабушка и ей

срочно нужно сделать укол. А чтобы вы были уверены, я Вам даю номер своего телефона и через пару часов мы с вами встречаемся в пиццерии. А сейчас мне срочно нужно помочь бабушке.

– Тоша, давай свой телефон! – она не дожидаясь, пока Тоха сообразит, взяла у него из руки телефон и с него набрала свой номер. Через мгновение, в её сумочке заиграла приятная мелодия. Она вытащила его из сумочки и показала ребятам. – Вот видите, это мой номер! – демонстративно показала экран Тохиного телефона Сашке и Антону. – А уж ты сам забей моё имя на этот номер, а я побежала. Мне пора. – Идочка быстро вложила Тоше его телефон в ладонь и для полной уверенности подошла и поцеловала его в щёчку. – Пока, мальчики! До встречи через пару часиков! – она повернулась и так же уверенно, мелкими шагами пошла через пешеходный переход не смотря на цвет светофора.

– Ты чо-нибудь понял? – Тоха неуверенно спросил у друга Сашки.

– Не знаю! – сквозь зубы процедил Антон, долго всматриваясь в красивую уходящую фигуру молодой девушки. – Я не знаю, кто тут лох, но, кажется, она нас развела, как первоклашек. – Тоха вопросительно посмотрел на Сашку, провожающего взглядом уходящую Аиду.

– Ага! – согласился с ним Сашка, продолжая смотреть в сторону пешеходного перехода.

– Сейчас посмотрим, кто кого развёл! – быстро сообразил

Антон. Он быстро нажал кнопку вызова последнего входящего номера в своем телефоне и поднес к уху. – Ага, гудок есть! – он снова пристально посмотрел в сторону, куда ушла Аида, пытаясь разглядеть её вдалеке.

– Алё! – вдруг послышался нежный женский голос. – Алё, Тоша! Мы же договорились, через пару часиков я вас наберу. – Идочка была уверена, что мальчишки обязательно ей позвонят и проверят. Теперь она на все сто процентов была уверена, что сделала всё как надо. И сегодня у неё будет хорошее продолжение интересного вечера.

Через несколько минут, Идочка уже была дома. Почти летняя тёплая погода, незаметно сократила её путь от площади Победы до Зоопарка. Получив положительный заряд и массу хороших эмоций от того, что ей наконец-то удалось зацепить интересных, но глупеньких пареньков, она с легкостью забежала по лестнице на третий этаж и своим ключом открыла входную дверь.

– Ба-буш-ка! – сладко, на распев прокричала она. – Я приш-ла! Где у тебя болит? – она быстренько сняла босоножки и, повесив сумочку на вешалку в прихожей, надела пушистые розовые тапочки. – А-у, ба-буш-ка! Я уже дома! – не дождавшись ответа, она зашла в ванную и быстро вымыла руки с мылом. Тщательно вытерев руки махровым полотенцем, она наконец-то вошла в комнату Афанасьевны. – Ах, вот ты где? – как ни в чем не бывало, как будто не было никакого скандала и разногласий между ними, с интонацией доб-

рой феи удивительно вскрикнула она. Конечно же Идочка знала, что бабушка с ней играет таким образом, чтобы хоть как-то контролировать её. И поэтому, она ей подыгрывала. Но бывало, что, когда бабушка вторгалась в её личное пространство, то Идочка, готова была разнести всё в пух и прах. Но сегодня, она, была на высоте, и ей хотелось поделиться с Афанасьевной своими впечатлениями о прошедшем времени. Да, она иногда так делала, потому, что ей ни с кем было поделиться своими секретами. У неё не было близких подруг, да и она никому так не доверяла свою душу, которую она ценила больше всего на свете. Иногда она считала, что её душа живёт вечно, и только тело иногда меняется, чтобы изредка снова побывать в сущности человека и вновь почувствовать всю прелесть человеческой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.